

РУКИ ПРОЧЬ
ОТ

МАГИИ!

ДИАНА
РЕЙН

У ХЭЛА ОПЯТЬ
ПРОБЛЕМЫ...

Диана Рейн

Руки прочь от магии!

<https://litres.ru/74568762>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хэлу не стоит даже думать о магии! Его побочная сила настолько непредсказуема и опасна, что это в очередной раз привело к проблемам. Да к таким, что сами эйты заинтересовались дефектным мальчишкой!

Прихватив с собой пару лучших друзей, Хэл пытается укрыться от этих магических тварей, но троицу находят и доставляют правительственному совету. И теперь только Кат знает, что взбредет в головы непредсказуемых эйталитов! Они ликвидируют Хэла? Или решат принять его в свои ряды?

Содержание

Прозвища	4
Номер К44. «Укол». Джем	4
Номер К44. «Укол». Джем	22
Номер Т23. «Скрип». Хэл	37
Номер Л5. «Кашалот». Кайл	54
Номер Т23. «Скрип». Хэл	77
Номер К44. «Укол». Джем	94
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Диана Рейн

Руки прочь от магии!

Прозвища

Номер К44. «Укол». Джем

Как потом оказалось, это был мой последний День Нахождения. Семнадцатый. Не сказать, чтобы такая уж важная дата, но я, как и любой другой на моем месте, ожидала подарков.

Подарок для меня – это нечто материальное, что можно пощупать, понюхать или съесть.

И я не знаю, какое понятие «подарка» было у Хэла, но на мой День Нахождения он едва не прибил нашего одногруппника.

В защиту своего придурковатого приятеля могу повторить то, что миллион раз говорили до меня: побочная сила – это кошмар.

Это серединка на половинку, ни то ни се, ни рыба ни мясо. Слишком слабая для настоящей магической силы. Слишком необычная для простого человека. И толка от нее почти ни-

какого, зато хлопот не оберешься.

Точно не знаю, как там обстоят дела во всем мире, но у нас в колледже Озера Грез больше половины учеников и профов ходят с той или иной побочной силой. Или побочной внешностью, что уже не так опасно для окружающих (Кайл – исключение, но о нем потом). И это считается нормой. Людей с побочной силой не привыкли бояться и не пытались оградить их от остальных людей.

Что самое несправедливое – ты никогда не знаешь, будет ли побочная сила у твоего ребенка. Она может не проявляться на протяжении поколений, а затем неожиданно вылезти и разбомбить всю твою жизнь. Магия эйталитов непостижима, даже для них самих. Тех, кого она коснулась, еще называют *дефектными*. И, может, это звучит грубо, но это самое подходящее для них определение.

Итак, Хэл и Близнец затеяли ссору, которая грозила перерасти в знатный мордобой. На самом деле, ситуация не нова – не проходит и недели, чтобы Хэл не устроил драку на ровном месте. С нервами у него не все в порядке, это общеизвестный факт.

Но в этот раз простым маханием кулаков они не отделались. Стоило Хэлу повысить голос, как Близнец отлетел от него в другой конец аудитории. Его словно отбросило ударной волной, впечатав в стену с такой силой, что ему сломало руку, два пальца на ноге, нос и ребро. Ну и сотрясение того,

что у него было в черепной коробке, он тоже заработал.

Никогда не знаешь, чего ждать от побочной силы Хэла, но в этот раз она превзошла все опасения. У зевак вокруг челюсти отвисли от такого шоу, сам герой успел сказать: «Да какого кюрука, я же просто...» и благополучно отключился.

В общем, это утреннее представление определенно стоило увидеть. Только меня там не было.

В это время я сидела в общей столовой колледжа, вся такая красивая, с тортом и чаем, ждала мальчишек. День Нахождения – это как День Рождения для таких подобрышей, как я. Колледж, который приютил нас, старается устраивать нам тоже полноценные праздники, да и вообще мне грех жаловаться. Слава Кату, у меня нет дефектной силы или внешности, профы меня обожают, а остальные студенты побаиваются. Чего еще можно желать? Но сегодня отчего-то сильно чесались руки под татушками, и в животе никак не успокаивались мурашки. Я не могла признаться даже самой себе, что жду чего-то необычного в этот День Нахождения. Может, особого подарка. Может, важного сообщения для меня. Может, еще чего-то.

Меня коротко поздравляли знакомые, проходившие мимо, я молча кивала им и продолжала ждать. Чай остывал, от аромата фруктового торта то рот наполнялся слюной, то ком вставал в горле. Я сидела неподвижно, положив руки на стол, и порой поглядывала на часы, которые было хорошо

видно из любого угла столовой. До конца обеденного перерыва оставалось не так много.

Каждый год хочется, чтобы День Нахождения прошел по-особому. Чтобы окружающие вели себя не так, как обычно, а жизнь подкидывала бы сюрприз за сюрпризом. В сериалах, которые смотрят девчонки, с главной героиней обязательно происходит подобное в День Рождения. Чем хуже День Нахождения? Или я просто мало похожа на типичную героиню? Я не ношу оружие или магические артефакты, как они, у меня нет подруг, чтобы зависать с ними в торговых центрах. Мой парень не пригласит меня на весенний или еще какой-нибудь бал, потому что у меня нет парня, и я не утру нос самой популярной девчонке колледжа, потому что ни одна девчонка не рискнет перейти мне дорогу. Поэтому я не заслуживаю себе удивительного Дня Нахождения, как сериальные героини?

Вокруг болтали, ели и бродили туда-сюда студенты, и меня окружал привычный и родной шум обеда. Все было как обычно. По громкой связи не передали никакого объявления, а в гуле голосов я не разобрала ни клички Хэла, ни чего-то еще, что могло бы меня насторожить.

Мальчишки не показывались, и я уже почти решила, что они забыли обо мне – память у них не ахти. Они умудрялись забывать всё, что угодно, даже порой собственные имена – зовешь их, срывая глотку, а они даже не обернутся. Терпения на них не напасешься, но я старалась.

Я опустила глаза, сожалея о таком нелегком грузе, что мне приходилось нести на себе, затем снова посмотрела вперед и даже удивилась, увидев Кайла. Он подходил к столику и осторожно улыбался, совсем немного показывая зубы. В честь праздника здоровяк повязал на шею галстук-бабочку и, судя по всему, вылил на себя весь флакон одеколona. Он бережно положил на стол маленькую коробочку, завернутую в красную подарочную бумагу, откашлялся и гаркнул во всю пасть:

– С Днем Нахождения! Здоровья, отличных отметок и всего такого... А Скрип почти прибил Близнеца, прикинь, а!

Да, я ждала услышать что-нибудь интересное или необычное, но не из этой же серии! Всё волнение сразу прошло, и я разозлилась. Долбанула кулаком по столу так, что торт и чашки подпрыгнули.

– Шею сверну, когда вернется!

– Если он вернется... – поправил меня Кайл, но тут же виновато улыбнулся, растянув рот почти на всю ширину.

У него побочная внешность – рот Кайла (вернее сказать, пасть) широкий как у лягушки, до самых мочек ушей, и может распахиваться так широко, как у нормальных людей рот открываться не должен. А внутри спрятаны острые акульи зубы, местами растущие в два ряда. Улыбаться он не любит, и не просите.

– Что, всё настолько по-взрослому? – пробормотала я, потянувшись к своему подарку. – Неужели даже кровь была?

Я не хотела волноваться из-за этого кугалунга, но раз не получалось, то надо было хотя бы скрыть это. Всё будет в порядке, Хэл не впервые загремел в кабинет Директора из-за своей побочной силы. Вот еще, буду я придавать этому большое значение...

Пока я теребила ленточку на коробке, Кайл выдал подробности. Он все видел сам: и как Хэл подошел к Близнецу, и как того отнесло к стене, и как свалился сам Хэл. Кроме него зрителей там хватало – почти вся группа, пришедшая на лекцию по биологии. Разумеется, тут же началась шумиха. Прибежали профы, студенты, и один уборщик. Близнеца и Хэла оттащили в медпункт, но дело этим точно не кончится. Может, сообщат полиции, и к делу привлекут родителей Хэла. А может, новости даже дойдут до эйтов, хотя в этом я сомневалась.

Куда больше меня волновало, что Хэла могут исключить из колледжа. За три месяца до выпуска!

Я сердито дернула бумагу и остановилась, когда заметила, что надорвала ее. Кайл – жуткий транжира и франт, мог бы завернуть подарок просто в газету. Разгладила бумагу, отложила ее в сторону и с благоговением потянулась к коробочке. Я любопытна как поросенок, подарки получаю не так часто, чтобы к ним привыкнуть, и сейчас забыла даже о Хэле, поспешно открывая маленький тайничок. На прошлый День Нахождения я получила хрустальный кулон от Кайла и пачку сигарет от Хэла. Кулон разбился на следующий день, а пачку

я обменяла на пакетик с миндалем, потому что не курю. В итоге от подарков ничего не осталось. Надеюсь, в этот раз будет по-другому...

Наконец-то открыв коробочку, я жадно залезла рукой внутрь, и подпрыгнула от резкой боли.

– Кюрукское!..

– Эй, осторожнее, – Кайл оторвался от обеда и потянулся ко мне. – Забыл предупредить. Прости.

Я оттолкнула его руку и снова запустила пальцы в коробочку – на этот раз медленнее и осторожнее. И что же это было? Кактус с розовыми иглами, длиной с мой указательный палец. Он сидел в крошечном горшочке, воинственно ощетилившись, а у меня теперь болели руки. Он что, еще и ядовитый?..

– Как тебе? – поинтересовался Кайл, закидывая в пасть куски вареной рыбы. – Я подумал, что он похож на тебя, ну и решил подарить.

Обижаться не было смысла – он всегда несет то, что думает. Хотя, надо заметить, он тонко подловил меня. Мое нынешнее прозвище – «Укол», а волосы у меня сейчас как раз с розовыми прядями. Теперь мне и самой стало казаться, что у меня есть что-то родственное с этим кактусом.

– Спасибо, – выдохнула я, смотря реальности в лицо и понимая, что бедное растение сдохнет у меня через неделю. – Очень... э... как это говорится? Милый.

Друг кивнул, не прекращая жевать. Я продолжала посмат-

ривать в сторону дверей столовой, ожидая, что вот-вот зайдет Хэл. Хлопнет меня по плечу, скажет, что с ним произошла ужасная фигня, но сейчас уже все супер, а потом сядет рядом и... Кайл начал говорить о своем последнем проекте по музыке, надеясь отвлечь меня. Как его ни слушаешь, у него сплошь одни проекты.

Пока мы оба были заняты интересными делами, возле нашего столика неожиданно появилась ученица под номером В19/1.

Именно ее близнеца едва не убил Хэл.

Нетрудно догадаться: мы никогда не были близкими друзьями с близнецами. И не могу даже вспомнить ясных причин для ненависти, никаких предпосылок. Но мы и близнецы вечно оказывались рядом в неподходящее время. Противник в баскетболе, который толкнул тебя особенно сильно. Человек, который забрал в столовой последнюю булочку. Отличник, которого тебе поставили в пример. Мелочи по отдельности, они накапливались годами, превращая неприязнь в ненависть, а случайный толчок – в побоище, где один едва не погибает. И не знаю, как другим, а мне вечно кажется, что близнецы находятся в центре внимания. Все их любят. У них нет побочной внешности или силы, они часто работают вместе и у них редкий номер с дробью. У обоих красивые светлые волосы, белая кожа и длинные руки-ноги. Будь у меня побочная сила Хэла, я бы тоже рано или поздно им

что-нибудь сломала.

– Это переходит все границы! – заявила Близняшка, точно подводя итог нашему старому разговору. – В этот раз вашего дружка вышвырнут вон, а может, даже ликвидируют. А я не останусь от этого в стороне! Уже давно пора было что-то делать с этим: его опасно держать с людьми, он вообще себя не контролирует!

Признаться, подобные мысли проскальзывали и в моей голове, но говорить об этом я точно не собиралась. Я вообще почти не говорю с близнецами – себе дороже. Но при случае не забываю толкнуть их, ударить мячом или случайно сделать еще какую гадость.

Но Кайл молчать не умел. Он вскочил на ноги, едва не перевернув свой стул, и навис над девушкой. Глядя на него, мне иногда кажется, что он самый сильный и храбрый человек в колледже, но затем я вспоминаю, что Кайл боится пауков, и тут же прогоняю эти мысли.

– Ты сгущаешь эффект. Ничего страшного не случилось, Близнец сам виноват, и ты это знаешь. Иди лучше, посиди со своим братиком в лазарете.

Наша одноклассница медленно прикрыла глаза, хотя, казалось бы, куда еще ниже. В том смысле, что они у нее и так вечно полуприкрыты тяжелыми, розовыми веками, и ей удивительным образом удавалось унижать окружающих, не говоря ни слова. Ее голос тягучий, с вечно обиженной интонацией, а еще она время от времени проводила рукой по во-

лосам, перекидывая их набок. Все это раздражало и по отдельности, а вкупе становилось просто смертоносной дозой. Кстати, еще одна из причин для ненависти в копилочку.

– Его увезли в больничный округ, – тряхнула волосами девушка. – Теперь дошло, что ждет вашего кугалунга?

Я заметила, как напряглись руки Кайла, он сделал глубокий вдох. У меня самой озноб прошел по всему телу. Ситуация для Хэла становилась все хуже и хуже. Понятно, почему его до сих пор не отпустили.

– Я позабочусь о том, чтобы его ждало как можно больше неприятностей, – подвела итог Близняшка. – Так просто он не отделается, ни за что. – Она развернулась, чтобы уйти, но вдруг мельком глянула на меня. – Ой, с Днем Нахождения, Укольчик. Наслаждайся этим деньком по полной.

Она отвернулась, а в следующую секунду я схватила со стола кактус и швырнула его вперед, в спину Близняшке.

Да, втайне я даже надеялась, что меня отведут к мистеру Директору или еще в какое место, где я встречу Хэла. Но ничего подобного – дежурный просто выдал мне записку и отпустил, здесь же, не покидая столовую.

Уж не знаю, насколько сильно кактус ударил Близняшку, возможно даже не поцарапал, но орала она на всю столовую. Подарок Кайла валялся на полу, со сломанными иглами и выпавший из горшка. Мне было жаль его, но в то же время он неплохо справился со своей миссией – доставил мне удо-

вольствие.

Кайл отправился провожать меня до аудитории, где у меня должна быть лекция по истории. Я уже ни на что не обращала внимания. Слишком странный день, слишком много всего и сразу. Я устала.

В отличие от меня друг выглядел довольно бодро, несмотря на все, что успело произойти за утро. Он большой и сильный, как гора, с черным ершиком волос и крупными чертами лица. Мне кажется, что даже если весь мир треснет, рядом с ним мне все равно будет спокойно.

– Я все понимаю, но держи себя в руках, – шептал он по дороге в кабинет. Его собственная рука придерживала меня за плечи, тяжелая и теплая. – Нам не нужно еще больше неприятностей, чем мы уже имеем. Хэлу твое поведение может только навредить, понимаешь это?

Я молчала всю дорогу, пытаюсь понять, действительно это все настолько серьезно или я просто переволновалась. Забудут студенты обо всем уже завтра или перемены только начались? Хэл часто влипал в неприятности – вернее будет сказать, что он не успевал вылипать из них. Но еще никогда пострадавших не отвозили в больничный округ. Никогда он не пропадал так надолго после стычки или взрыва своей силы. Отделается он суровым выговором или его ждет настоящий суд? Кат Великий, я скоро чокнусь от этих ужасных мыслей...

– Я заберу тебя после лекций, – на прощание добавил Кайл, когда мы дошли до нужной аудитории. Он растерянно

обвел взглядом коридор, словно забыл, как здесь оказался, и вдруг выпалил, посмотрев мне в глаза: – Может... съездим в соседний округ? Закажем пиццу. Обычно они делают скидки в Дни Рождения, ну и Нахождения тоже... наверное. А? В конце концов, ты осталась без подарка.

Я понимала, что он хочет просто отвлечь меня от всего. Развеселить, накормить, порадовать. Это очень мило, но сейчас мне было не нужно. Я хотела только увидеть Хэла.

– Давай в другой день, – негромко ответила я, не встречаясь с ним взглядом. – Не хочу сегодня никуда идти.

– Окей, понял. Тогда еще увидимся.

– Увидимся.

Кайл поспешил на свою лекцию, а я с тяжелым сердцем зашла в аудиторию. У нас с Хэлом один проф по истории, и друг тоже должен был быть сейчас здесь. Но его место рядом со мной осталось пустым. Проф как обычно начал лекцию, но до меня продолжал долетать шепоток одноклассников вокруг. Они поглядывали на меня, пытаясь угадать, о чем я сейчас думала и что чувствовала, силясь прочитать эмоции по лицу. У нас в колледже не так уж редки разного рода случаи, связанные с магией или простой человеческой глупостью, но убийств или близкого к этому еще не наблюдалось. По крайней мере, за последние лет семнадцать. Я продолжала надеяться, что все обернется лучшим образом, хотя надежда пропадала быстрее еды в Кайловой пасти. Хэла нет слишком долго – отпустят ли его вообще после произошед-

шего в ближайшее время? Друга ждали проблемы, и мне это не нравилось. Это были проблемы не того толка, с которыми весело иметь дело.

А тут еще толпа любопытных ушей и глаз вокруг меня. На целых два часа. И это все, ни раньше, ни позже, а в мой День Нахождения! Отличный подарок, премного благодарна!

Голос профа звучал отдаленно, монотонно и совершенно непонятно. Я вытянула ноги так далеко, как только смогла и запрокинула голову наверх. Ничего, я сильная, я смогу это выдержать. А потом Хэл ответит мне за все, да и еще в двукратном объеме.

Меня похлопали ладошкой по плечу, и я, слегка повернув голову, увидела Мимозу. Она торопливо зашептала, едва завладев моим вниманием:

– Где Скрип? С ним все в порядке? Я слышала, он сознание потерял. А с Близнецом что? Ты знаешь об этом?

Кат Всемогущий, только любопытной Мимозы мне и не хватало для полнейшего счастья. Ладно, я пыталась быть сильной и хорошей, но это оказалось последней каплей.

Не став утруждать себя ответом для одноклассницы, я быстро сгребла все со своего стола в рюкзак, подняла руку, подождала, пока на меня обратят внимание.

– Да, К44? – обратился ко мне проф, и как минимум десяток пар глаз устремился в мою сторону.

– Профессор, я плохо себя чувствую. Можно мне уйти? Ему понадобилась пара секунд на принятие решения, и

он кивнул мне. Я тут же подхватила рюкзак, проскользнула мимо парт и была такова. Мои баллы одни из самых высоких среди нашей параллели. Профы меня любят, хоть я их часто бешу, а я люблю их, несмотря на то что они меня бесят постоянно. Но сейчас я не солгала, я в самом деле чувствовала себя отстойно и, возможно, профессор по истории номер И1 это сам понял. Он умница.

Я выползла в коридор и на пару секунд остановилась, смотря прямо перед собой. На стене висел плакат о турнире по фехтованию, который состоится через три дня. Одна из моих соседок по комнате в нем участвует.

Кругом была полная тишина, я даже не слышала голосов из аудиторий.

Этой Мимозе, верно, делать больше нечего, как волноваться за Хэла. Могла бы спросить у кого-нибудь другого, не меня. Я вообще заметила, что она часто лезет, куда ее не просят. Ну да ладно, из-за нее я получила целых два свободных часа, так не будем же терять их, торча в коридоре. Мне необходимы свежий воздух, прохлада и природа. Именно такое желание возникало у меня всегда, когда становилось не по себе. Опять зачесались руки.

Я без приключений добралась до первого этажа, а там уже без труда прошмыгнула мимо охраны к входным дверям. Вся дорога заняла менее пяти минут, ибо колледж – это мой дом, и кто, как не я, знает самые кратчайшие ходы и лазейки?

Хотя на первый взгляд он, конечно, кажется огромным.

На улице центральный корпус окружает тебя кольцом – со всех сторон одинаковые решетчатые окна, темные пилястры и сиреневый плющ, поглощающий в себя здание. С земли не видно, но на парапете установлена сигнализация против сильной магии. Не то, чтобы мы не рады эйтам – если они вдруг заявятся, то мы, конечно же, пригласим их на чай с булочками. Но колледж – не подружка, к которой можно захаживать, когда тебе становится скучно. Хэл не раз жаловался, что у него звенит в ушах, когда он проходит мимо главного корпуса, но я уверена, что он преувеличивает. Если бы он не знал, что там есть датчики, то ни слова бы не сказал.

Еще на парапете сидит несколько горгулий с выпученными глазами, распахнутыми пастями и растопыренными крыльями. Про них разное болтают. Либо что они оживают в новолуние и летают по территории колледжа, пугая прохожих. Либо что это пародии на эйтов из совета, которые в него входили во время строительства колледжа. Мне больше нравится третья, менее распространенная теория о том, что это заколдованные стражи, наподобие датчиков магии, которые вцепятся в любого, кто придет на УКОГ с войной.

Колледж, а главный корпус в особенности, такой старый, что ты чувствуешь его мощь, понимаешь, что он почти живой, и если ты ему не понравишься, то пеняй на себя. Стоя перед ним, создается впечатление, что тебя заманили в плен, что колледж поймал тебя в ловушку и вот-вот сомкнет свое кольцо. Некоторые студенты не любят задерживаться и ста-

раются как можно скорее пройти мимо или зайти внутрь. Да и некоторые профы тоже.

Я бы никогда не дошла до подобных мыслей – о них мне в разное время говорили разные люди, впервые оказавшиеся здесь. Я же первое впечатление, которое произвел на меня УКОГ, не помню, мне было меньше года, и сейчас я, хоть убейте, не вижу в нем ничего пугающего или странного. Вот возле домов в городе, выстроенных по две стороны улицы, одинаковых, безликих и высоких, мне всегда не по себе. Стараюсь выбираться в город лишь по крайней нужде, чтобы попробовать вредный фастфуд или прикупить новую кассету с музыкой. Колледж – это моя крепость. Наподобие Кайла. Я знаю, что могу зайти в любой из корпусов, в любую аудиторию и попросить помощи у любого работника, и мне обязательно помогут. Ребенком я часто терялась, плутала среди километровых коридоров, сотни дверей, но мне никогда не было страшно. Я изучала колледж, а он позволял это и помогал. Я не могла желать лучшего дома, чем он.

Со стороны арки слышался топот – такой мощный, что подо мной завибрировала земля. Бежать было поздно, а в парке перед корпусом спрятаться негде, да это и бессмысленно – меня бы в два счета нашли по запаху. Я обернулась, готовясь встретить опасность нос к носу.

В арку протиснулся щенок-подросток: лохматый, неуклюжий и настроенный поиграть. Высотой он был под три метра и весил полтонны. Его белая шерсть была вся в зеленых и

коричневых пятнах от травы и грязи, на морде она слиплась от воды. Завидев меня, он принялся размахивать хвостом, затем резко припал на передние лапы, так, что его здоровая башка оказалась на одном уровне со мной, и запыхтел.

Щенка звали Йо-Йо, и он талисман колледжа. Его предки, гигантские волки, бродили по замкам в мире эйталитов, приводя в трепет посетителей и охраняя от неприятелей. Йо-Йо же приносил кучу хлопот, велся на шутки учеников и боялся ворон.

– Тише, малыш, – попросила я, поглаживая пса по грязной морде. – Мне нужно идти. Я не буду с тобой играть.

Я зажмурилась, когда розовый нос с коричневым пятном наклонился ко мне, с шумом вдыхая воздух так, что мои короткие волосы встали дыбом, а меня обдало жарким дыханием с вонью испорченной еды. Рытье в мусорных баках – одно из хобби Йо-Йо.

– Все, малыш, мне пора идти! – я слабо толкнула пса и выбралась из-под его морды. – Иди, поиграй в другом месте и с другими людьми.

Йо-Йо обиженно замотал головой и посмотрел на меня блестящими глазами темно-коричневого цвета. Его можно понять – сейчас ему одиноко, ведь у всех лекции и уроки. Но с ним было сложно играть: он легко мог покалечить человека и даже не заметить этого. Никто особо не любил встречаться с ним в коридорах колледжа или на улице. Его обманывали, чтобы заставить убежать или отвлечься, и Йо-Йо изо всех

сил пытался быть «хорошим мальчиком».

Я вздохнула, смотря на него. Люблю животных куда больше всех людей вместе взятых.

– Хорошо, пойдем со мной. Только веди себя тихо.

Йо-Йо заскулил от нетерпения, затем неожиданно ткнул меня носом, повалив на землю, и со всех ног рванул прочь. В следующую секунду раздался его громкий лай с наружной стороны кольца корпуса. Я поднялась на ноги, вытирая с волос сопли пса, и поторопилась за ним следом. Неужели я все-таки ожидала, что Йо-Йо послушается меня?

И все же его неожиданная компания пришлась очень кстати, ибо я планировала узнать, где Хэл. А ради этого придется нанести визит Озеру Грез.

Номер К44. «Укол». Джем

Территория Универсального Колледжа Озера Грез (или УКОГ) занимает половину, если не больше, от города-острова Роуздилл. Здесь находится четырнадцать учебных корпусов, восемь домов для студентов и пять – для персонала и профов, четыре парка, три алтаря и три библиотеки, музей, два кафе, зверинец, магазин и колокольня. Все это богатство перемешано и соединено между собой запутанными тропками, садами и аллеями. УКОГ так гордится тем бардаком, что творится на его территории, что даже проводит ежегодную игру в прятки, между всеми факультетами и группами.

Но святыней святых колледжа это, разумеется, Озеро Грез.

Озеро Грез – это живой кусочек прямиком из мира эйталитов. Волшебный, потрясающий и вместе с этим – беспощадный. Каждый ребенок, обычный он или дефектный, знает, что магия всегда что-то берет взамен своей силы.

Всю дорогу до Озера Йо-Йо почти километровыми скачками носился вокруг меня, едва не задевая своей тушей. Периодически он коротко потягивал, припадал на передние лапы и поглядывал на меня так, словно подобно другим собакам обычных размеров, собирался повалить меня с ног и облизать лицо. Но так как в его случае это может закончиться весьма трагично, я отвечала ему убийственным взглядом

и строго велела держаться от меня подальше.

Когда мы почти дошли до нужного места, Йо-Йо вдруг встрепнулся и со всех ног понесся обратно к главному корпусу, забыв про меня. Неизвестно почему он остерегается Озера – возможно, чует энергетику эйтов, и она приходится ему не по душе?

Свежий воздух приятно обдал лицо и голые руки. Он приносил с собой слабый аромат растения суклок, которое в это время года зацветает у озера. Аромат напоминал ваниль и овсянку одновременно, многие говорили, что он возбуждает аппетит. А некоторые ученицы нарывали цветы, сушили по маленьким мешочкам и складывали их в комоды и платяные шкафы, чтобы придать ткани приятный запах. Хэлу бы не помешало напихать целую охапку таких мешочков в свой шкафчик с баскетбольной формой...

Я подумала о нем, и снова стало грустно-тревожно. За те четыре года, что я была знакома с ним и Кайлом, мы в каких только передрягах не побывали. Было и страшно, и весело, и любопытно и очень классно. Мы не боялись умереть или серьезно пострадать, мы даже были уверены, что с нами такого никогда не произойдет. Почему в этот раз всё должно быть по-другому?

Озеро покоилось в ложбинке, к которой можно было без проблем спуститься по одной из десятка вытоптанных троп. С высоты оно походило на огромное черное зеркало, кото-

рое ничего не отражало, но сверкало на свету. Через него был перекинут узкий мост с небольшой площадкой посередине. По берегам, в зарослях осоки и суклока, прятались лавочки, а дальше стояли две деревянные беседки. У самого Озера можно было заметить старую, кованую табличку с информацией об этом месте. Но правила игры с Озером все и так знали наизусть.

К счастью, сейчас здесь никого не было – учебное время. Только летали стрекозы, и где-то далеко крякала утка. Я немного помедлила, вдохнула поглубже и вошла на узкий деревянный мостик. Ветер тут же стал сильнее, переброшив мои волосы на одну сторону и бесстыдно приподняв юбку. Не останавливаясь, я шла вперед, двумя руками держась за низкие перила, пока не достигла середины моста. Аромат суклока продолжал нежно щекотать нос, но теперь казался далеким и слабым.

Облокотившись о перила, я посмотрела в фиолетовую воду, которая слегка мерцала на свету. Она казалась очень плотной для обычной воды, скорее уж походила на чернила. И в нее бесполезно было вглядываться – даже отражения Озеро отказывалось показывать. Никто не знал, какова его глубина – многие остерегались даже касаться самой воды. Из-за таких дополнительных тайн и пугающих предположений просто стоять на мостике было страшновато.

Для кого угодно, не меня уж точно.

Я резко выдохнула, сбросила с плеча рюкзак, расстегнула

его. Среди канцелярской мелочи, крема от загара, мятных леденцов, ключа от комнаты, кошелька, ремней для ингелы я нашла пухлую, помятую книжку в мягкой обложке. Она была про какого-то вымышленного короля, который несколько лет не покидал свой замок, а затем вдруг решил отправиться в путешествие по всем известным измерениям. Ни разу ее не читала, но уже год таскала в своем рюкзаке. Оставалось надеяться, что этого было достаточно, и книга напиталась моей энергетикой.

Я снова перевесилась через перила, держа книгу над водой. Ветер слабо шевелил ее волнистые, желтые странички, и король на обложке с отчаянием смотрел на меня. Руки вдруг стали очень слабыми, и я крепче сжала зубы, как будто это могло помочь.

– Покажи мне Хэла, – прошептала я, одновременно с этим разжимая пальцы.

Книга без всплеска погрузилась в воду и тут же пропала в ней. На прощание не осталось даже ряби, Озеро было мертвенно-спокойным, как и всегда.

«Если упадешь в Озеро, об этом никто никогда не узнает. Твое тело не найдут, а память о тебе сотрется из мыслей твоих знакомых», – так шептали подростки, запугивая малышей.

Я ждала, вглядываясь в мерцающую воду темно-фиолетового цвета. В ней слабо виднелись розовые и почти черные разводы, а на этом фоне медленно и величественно перели-

вались крошечные звездочки. То собранные целыми тучами, то раскиданные по одиночке.

Я ждала. Озеро не обращало на меня никакого внимания.

Что ж, на самом деле ничего удивительного. Магия требует дорогой для человека вещи, которая имеет кусочек его души, а не старой книжки, которую ни разу не открывали.

– Хэл, – повторила я, но еще недостаточно громко для называния настоящего имени. – Покажи мне его. Ну же.

У меня зачесались руки, и я рассеянно поскребла кожу на предплечьях, спрятанную под татуировками, не сводя глаз с воды. Когда прошло минут пять, и я начала думать, что же в таком случае можно бросить в озеро еще, темная вода начала проясняться, постепенно становясь прозрачной как стекло.

Я свесилась с мостика так, что едва не оторвалась подошвами кед от деревянных досок. Там, за видимой теперь пеленой Озера выступали очертания моего друга. Цвета были неестественно яркие, лица смазанными, а контур тел слегка шевелился и размывался. Это выглядело так, как обычно смотрится картинка во сне, ибо только так могло показывать людей Озеро Грез.

Хэл на чем-то лежал – кровати или диване. Футболки на нем не было, глаза закрыты, а лицо приобрело синеватый оттенок. Рядом с ним маячило несколько теней, которые могли быть мистером Директором, госпожой Докторшей или еще кем-то. Они передавали друг другу какой-то предмет, вертели головами, наверное, разговаривали. А потом один из них

склонился над Хэлом и резко всадил ему в грудь нечто, очень похожее на длинный, тонкий нож.

Из горла вырвался крик. Я поспешно зажала рот ладонью, но «сон» быстро начал пропадать, и через пару мгновений вода снова была непроницаемой и мертвой.

У меня грудь ходила ходуном, руки мелко дрожали. Горло сдавливало, и подступало головокружение. Я пыталась понять, что именно я увидела, мыслить трезво, но в голове был полный тарарам. Мозг напрочь отказывался думать и осмысливать увиденное. Еще в носу защипало.

Я сползла и опустилась прямо на нагретые доски мостика, обхватив голову руками. Мне неожиданно стало холодно, даже зубы застучали. Дыхание перехватывало. Я не могла поверить увиденному – отказывалась. Хэл не мог умереть. Его не могли убить. Это все просто бессмыслица какая-то.

А это действительно был он? Может, какой-нибудь другой, не мой Хэл? Может, это все-таки был не нож? Там же... там же было плохо видно, правда ведь?

Я зажала ладонями уши, зажмурилась и принялась раскачиваться взад-вперед, пытаюсь сделать вид, что внешнего мира не существует. Спрятаться от собственных мыслей, оглохнуть и ослепнуть, потерять память и почти исчезнуть. *Самоликвидироваться*. Только это могло помочь мне сейчас остаться в здравом уме и, что самое главное, не заплакать.

Мне понадобилось десять минут, а может, два часа, чтобы

я убедила себя в том, что я неправильно поняла «сон». Поверить в смерть Хэла было куда сложнее, чем в конец света. Он не мог сейчас быть мертв, если только вчера вечером я видела его живым. И сегодня мой День Нахождения. Невозможно, чтобы он был мертв.

– Наверняка этот кугалунг уже давно вернулся и сидит на уроке, – бормотала я себе под нос, возвращаясь обратно в центральный корпус. – Ему сделали замечание, погрозили пальцем и сказали, что он плохо себя вел. Всегда так и бывает.

Но возле крыльца я затормозила. Было страшно представить себе, как я зайду в колледж, и нигде не встречу там друга. Я такого просто не перенесу. Что со мной будет на лекциях? Все заметят, что я нервничаю, хотя я никогда не нервничаю. Опять прицепится эта Мимоза или еще кто-нибудь, я окончательно потеряю самообладание и тоже убью кого-нибудь.

Отойдя на пару шагов назад, я окинула взглядом огромное строение, растянувшееся вокруг меня, и решила побыть в одиночестве еще немного. В конце концов, это тоже можно считать подарком на мой праздник.

Я не собиралась находить себе убежище для будущей большой игры в прятки. Я просто хотела побыть одной там, где меня не смогут увидеть и побеспокоить. В особенности Кайл или Йо-Йо, от которых отвязаться было куда сложнее, чем от любого из профов или одноклассников.

Я обогнула Озеро и быстро вышла к небольшой роще, которая пафосно называлась Лунная чаща. Во время полнолуния все деревья здесь казались голубовато-серебряными, как будто иллюзионными. У некоторых людей начинала кружиться голова, им мерещились фантомные силуэты и музыка. Со мной никогда не происходило ничего подобного. Я чересчур нормальная, наверное.

Побочная сила Хэла, та самая, что едва не прибила Близнеца, была с ним всегда. Стоило ему разозлиться, расстроиться, а иногда и обрадоваться, так берегись кто может! Он мог случайно взорвать дверь, поджечь свитер, разбить стакан. Ему даже касаться предмет руками не было нужды, все происходило так, словно от его мысли или эмоции по воздуху передавался разряд магии и бил в ближайший предмет. Ну, или в ближайшего человека, хотя, Кат свидетель, нас с Кайлом его сила никогда не трогала.

Профы смотрели на это сквозь пальцы: ну что с ним, дураком, поделаешь? Он недостаточно силен, чтобы поселиться в мире эйтов, хотя и среди людей порядком доставляет проблем, но ведь никто еще серьезно не пострадал от этого. До сегодняшнего утра.

У Кайла из побочного только внешность, но никому это не мешает (хотя однажды он едва не цапнул меня за руку, когда я дала попробовать ему свой сэндвич). А я? Ничего побочного, я примитив до последней капли крови. Все, что во мне

и есть занимательного, так это мои татушки. Они со мной сколько я себя помню. Покрывают обе руки от плеч до самых кистей. Ничего сногшибательного – просто полосы зигзага, кольцами охватывающие руки. Фиолетовые и с розовым оттенком, почти как синяки. В нескольких местах от зигзага отходят небольшие отростки, заканчивающиеся квадратной закорючкой. По мне, так это просто шутка моих добрых родителей, которую они со мной сделали, перед тем как выбросить. Не имею ни малейшего представления, откуда они еще могли взяться и что значили.

Хотела бы я, чтобы Хэл был нормальным человеком, как я или даже Кайл? С одной стороны, так было бы куда меньше неприятностей, но с другой... он был бы уже не тем Хэлом, а значит с ним не было бы так весело. Но если это смогло сохранить его здоровье? Его жизнь?

Я старалась думать об этом и только об этом, болтаясь вниз головой. Зацепиться ногами за толстую ветку и висеть так – моя любимая поза, когда нужно думать о чем угодно, но не о самом главном. Мысли встряхиваются: самые тяжелые оказываются погребенными внизу, а легкие, глупые и пустые подлетают вверх. Мне бы хотелось вытряхнуть все ненужное из головы окончательно, но просто перевернуться вверх тормашками для этого будет недостаточно.

Подтянувшись, я забралась на ветку, скрестила ноги и закрыла глаза. Мне не нужно много места – ветка дерева, столбик, выступ камня или подлокотник кресла, и я с удовольствием

устроюсь на этом пятачке. А уж отключаться от всего мира и медитировать я подавно могу где угодно и когда угодно.

Медитация и комплекс упражнений ингелы спасают меня от всего на свете. Без них я бы уже давно свихнулась, а может, и убила бы кого-нибудь. Надо мной смеются друзья, но я советую выполнить пару упражнений ингелы при любых проблемах: от мигрени до бесконтрольного проявления побочной силы. Ингела – это ключ ко всему, а медитация – что-то из разряда магии для таких обыкновенных людишек как я.

И именно сегодня, сейчас, я нуждалась в магической помощи этих средств. Я должна была выкинуть ту картину, что увидела в Озере, из своих мыслей до тех пор, пока не найду достаточно сил чтобы подумать об этом.

Или пока не увижу самого Хэла живым и невредимым.

Не знаю, как дожила до вечера. Проявив чудеса скрытности, я смогла избежать встречу с Кайлом и проникла в домик под номером три.

Здесь в одной из комнат обитал Хэл, деля спальню с еще двумя парнями. У нас в колледже до сих пор действует раздельное проживание парней и девушек, что некоторые периодически пытаются нарушить.

Я без труда добралась до двери комнаты друга и остановилась, нервно потерев пальцы друг о друга. Что сделать? Просто постучаться и посмотреть, внутри ли Хэл? Подождать здесь, снаружи, на случай если он появится? Я не хотела ве-

сти себя как напуганная истеричка, какой меня могли посчитать. Да и разве бы Хэл не пришел сначала ко мне или Кайлу, прежде чем заваливаться к себе в спальню, как будто ничего и не случилось? Мне бы не хотелось так думать.

– Джем?

Я нервно дернулась, как бывало каждый раз, стоило мне услышать свое имя. Никогда к нему не привыкну.

– Ты бы еще громче сказал, – прошипела я, мельком оглядываясь через плечо.

Кайл переминал с ноги на ногу в пяти шагах от меня, наклонив голову так, чтобы поля его шляпы тенью скрыли широкий рот. Шарфы, платки, высокие воротники – он старался спрятать свою пасть так, словно это было что-то постыдное. Будь у меня такая побочная внешность – развлекалась бы по полной и даже улыбалась бы при каждом удобном случае, чего со мной никогда не случается сейчас. Что плохого в том, чтобы иметь рот, полный акульих зубов?

– Не появился? – тише спросил Кайл, с ожиданием поглядывая на запертую дверь.

Я пожала плечом, понимая, как глупо это выглядит со стороны – стою перед комнатой Хэла и даже не в курсе, внутри он или нет.

И жив ли вообще.

– Сейчас узнаем.

Кайл подошел ближе и два раза ударил кулаком по двери, едва не выломав ее. Хотя дверь стояла новая, крепкая – про-

шлую Хэл случайно взорвал, когда, разозлившись, хлопнул ею. Такое случилось уже... дайте подсчитать... в четвертый раз только на моей памяти.

Нам поспешили открыть, и на пороге появился невысокий парень по прозвищу Шнурок. Кажется, мы застали его за переодеванием – шорты и гольфы на нем еще были от спортивной формы, а вот вместо майки была напялена безразмерная футболка. Но лучше уж в ней, чем без нее.

– Где Скрип? – гаркнул Кайл, не потрудившись извиниться за вторжение или хотя бы поздороваться.

Шнурок посмотрел на него снизу вверх, мельком глянул на меня, поморщился. Я ответила тем же.

– Я его вообще сегодня не видел, – наконец пропищал он.
– Что-то случилось?

Голос у него почти всегда звенел на высоких нотах. Он почесал себе зад, рассматривая нас и часто моргая пересохшими глазами. Его грязные волосы иглами торчали на макушке, весь подбородок был покрыт коркой от подсохших прыщей, а над верхней губой неопрятно темнели короткие, прилизанные волоски. Я бы никогда не смогла жить с ним в одной комнате – все равно, что делить спальню с тараканами. Готова поклясться, что он кидает носки на столик, оставляет в ванной грязные трусы на ручке двери и на глазах у всех подстригает ногти на ногах.

– Скрип чуть не зашиб Близнеца, – донесся бас из глубины комнаты. – Я как раз собирался тебе рассказать.

На свет вышел второй сосед Хэла, которого можно было вовсе не описывать. Его кличка Скелет все говорила за себя. Но я не понаслышке знала, что за видимой слабостью и легкостью этого тщедушного тела скрывается машина-убийца, которая сметает всё на своем пути во время игры в баскетбол. Скелет не брезглив к жестокости: ему ничего не стоит сбить человека с ног и пробежать по нему сверху, а то и еще отбить при этом мяч.

– Опять? – беспечно скривился Шнурок. – И что? Это не повод где-то шлаться до самой ночи. Завтра игра.

– Он. Едва. Не убил. Его, – медленно повторил Скелет. – Близнеца отвезли в больничный.

Да, слухи и новости в колледже разносились быстрее любой другой заразы. Шнурок нервно хихикнул и поскреб себе спину. Я постаралась не задаваться вопросом, когда он в последний раз мылся.

– Вот же непраха... А сейчас-то он где? Я имею в виду, наш родной Скрип, а не этот блондинчик.

– У мистера Директора, полагаю, – отозвался Кайл, но не очень уверено.

Я молчала. Говорить о том, что я увидела в Озере Грез, не хотелось никому, особенно Кайлу. Между тем, я чувствовала себя все паршивее и паршивее – того и гляди сползу по стенке.

Хэл скоро вернется, с ним все в порядке.

Я даже начала думать о том, чтобы опереться о Кайла, что-

бы уж точно не упасть. Воздух не доходил до легких. Пульс все громче стучал в висках. Полумрак общаги сгустился в моих глазах.

– Выгонят? – прямо спросил Скелет. – Ликвидируют?

Шнурок со злостью толкнул соседа в бок, но сам поморщился от боли.

– Язык откуси! Он же не убил его, а? За что бы его ликвидировали? Да и вообще, неужто никто не привык к выходкам Скрипа? Ему всегда все сходит с рук. И в этот раз прокатит.

Его голос звучал отдаленно для меня. Я быстро облизнула пересохшие губы, ощущая теплую слабость в голове.

Он просто немного опаздывает, как обычно.

Мимо прошла компания парней, хрустя вонючими чипсами и орешками. Они насмешливо пожелали нам спокойной ночи и, гогоча, пошли дальше. Со стороны руководства в этом было что-то кровожадное и забавное одновременно: поселить две враждующие во всех смыслах команды в один домик. Да-да, представляете, сколько жестоких розыгрышей и ловушек устраивали здесь друг другу мальчишки?

С ними завтра должны быть игра у команды Хэла, хотя теперь это отошло для меня на самые затворки мыслей.

– Они наверняка уже в курсе, – пробурчал Скелет, провожая взглядом компанию. – Будут зубоскалить.

Шнурок лишь раздраженно хрюкнул.

– Фигня. Мы и без Скрипа порвем их. А может, даже будет легче, ну согласитесь же?..

Пока он говорил, я вдруг безошибочно расслышала *тот самый* скрип кед по деревянному полу, прямо у себя за спиной. Тупая, теплая слабость резко схлынула, и по спине пробежали холодные мурашки.

– Легче? Уверен?

Я развернулась и невольно схватилась рукой за стену, чтобы не упасть.

Хэл, он же Скрип, стоял, опираясь левым плечом о стену позади нас. Он выглядел самым что ни на есть живым и здоровым, без всяких посиневших губ, окровавленной груди или чего-нибудь в этом духе.

Он жив!

Пышная копна волос, словно только что из-под расчески, здоровый румянец, беспечная улыбка. Хэл выглядел идеально, как новенький.

Завладев нашим вниманием, он приподнял руки и изобразил пальцами пистолеты, направленные в нас.

– Пиу-пиу! Хотели сбросить меня со счетов, кюрук вас подери?

Номер Т23. «Скрип». Хэл

Когда я открыл глаза и понял, что в очередной раз остался жив после отключения, то у меня сразу испортилось настроение. Я откинулся на подушки и с ненавистью обвел взглядом лазарет. Бывал я тут едва ли не чаще, чем в своей комнате, и знал обстановку уже во всех деталях. Ряды железных коек, серые стены, белый потолок и яркий свет ламп. Острый запах лекарств тоже был узнаваемым до тошноты. Я чувствовал себя отвратно, как это обычно и бывало после возвращения, а сегодня еще и грудь болела, как будто я на угол налетел.

– Выспался? – прохихикала госпожа Докторша, показываясь в поле моего зрения.

Мне хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть ее, но тут я заметил шприц с длинной иглой, который она игриво крутила между пальцев. Мне вкололи нико-оксилаксицилин? Что, все было настолько плохо? Этим объяснялась боль.

– Еще немного, и откинулся бы, – подтвердила мои мысли Докторша. – Пришлось вытаскивать тебя обратно. Не рад?

С виду она выглядела такой солидной и серьезной дамой под шестьдесят – высокая, статная, с пышным начесом на голове. Она не шла, а плыла точно теплоход, беспардонно расталкивая плечами и бедрами подвернувшихся учеников и даже некоторых профов. Говорили, что нельзя долго на-

ходиться рядом с ней, потому что запах лекарств, которым пропитаны ее одежда и кожа, отравляет. Не глядя, эта женщина могла вколоть одному пациенту нико-оксилаксицилин, второй рукой сделать другому массаж сердца, и при этом еще успеть выкурить сигару. Внутри нее жил монстр (в переносном смысле).

Чтобы не отвечать ей, я искал взглядом Близнеца, но соседние койки оказались пусты. Фигово. Неужели этот ку-галунг давно пришел в себя и ушел, пока я валялся в отключке? Сколько вообще прошло времени?

– Ой, ну и влип ты, – протянула Докторша, убирая инструменты и больше не смотря на меня. – Как тебе новое украшение, дружок?

Я приподнялся на локте, шурясь от электрического света, и не понимая, что она несет. Украшение?..

Тут я заметил их и удивился, как не ощутил раньше. На руках, под самые подмышки были натянуты браслеты. Они были плотными, давили на кожу. А самое главное, что браслеты были сделаны из твердого кристалла, розоватого цвета, слегка просвечивающего на свету. Я не сразу понял, что это...

Сначала доза нико-оксилаксицилина чтобы я очухался, теперь «барьеры», которые блокировали магию – тут явно все было не так просто и несерьезно как в предыдущие разы. А вдруг я прибил Близнеца насмерть?

Когда в палату зашел мистер Директор, я решил, что так

и случилось.

Сколько себя помню, моя побочная сила проявлялась не к месту и вела себя непредсказуемо. Несмотря на это, никто и не думал отправлять меня в мир эйтов, и я тихо-мирно бесчинствовал в обычном мире людей уже целых семнадцать лет. Меня многие не любили, кто-то побаивался, кто-то откровенно ненавидел, но в целом все было неплохо. Случайно ломая что-нибудь или ударяя окружающих побочной силой, я говорил: «Извиняюсь!», и никто еще не напаяливал на меня «барьеры»!

Мистер Директор объяснил, что информация о происшествии со мной и Близнецом была доставлена в мир эйтов. Правящий совет, под чьим надзором находился Роуздилл, рассмотрит заявление Директора и после этого решит, что со мной будут делать. Пока меня оставляли в колледже ожидать приговор, связав «барьерами». Насовсем отключить магию они не могли, но свою функцию выполняли хорошо – они ограничивали ее. После этого меня отпустили к себе.

Об этом я и рассказал Джем и Кайлу, когда нашел их. Вернее, я надеялся, что не увижу их до утра, к тому времени я бы смог придумать более красивую и ровную историю, чем этот бессвязный, жалкий рассказ о том, как чудно я провел денек. Но когда я подошел к своей комнате, эта ненаглядная парочка была тут как тут, ведя светские беседы со Скелетом и Шнурком. Честно говоря, я не очень удивился этому.

Джем и Кайл – одни из немногих, кто не боялся или не ненавидел меня. Кайл – потому что его самого остерегались, а ненавидеть он просто не умеет. А Джем не боялась ничего на свете и в то же время одинаково недолюбливала всех вокруг. О, ну и конечно, они оба разделяли со мной любовь к баскетболу, без этого никуда. Лучших друзей я не мог пожелать себе, правда, никогда им об этом не говорил.

Сейчас мы сидели в коридоре общежития, выбрав уголок подальше от комнат. Комендантский час давно прошел, все прятались по своим спальням, и поблизости никого видно не было. Но никогда не знаешь наверняка, и мы говорили шепотом, придвинувшись ближе друг к другу.

– Нифига! – Кайл поспешно прикрыл пасть ладонями и тише добавил: – То есть, тебя загребут к эйтам? Насовсем?

Кто только задает подобные вопросы на ночь глядя?

– Не знаю. Но что бы там ни решили эти уроды, это не будет хорошим решением однозначно.

Я представил, как совет эйтов изучает мою биографию, подробное описание инцидента, жалобу и решают-решают-решают, что же им делать с номером T23 из мира людей, до которого им не было никакого дела?.. Сколько времени им понадобится на принятие решения? Максимум пять минут и еще пара недель на то, чтобы все красиво и официально оформить, и доставить ответ в наш мир.

Кайл серьезно размышлял над сложившейся ситуацией, то хмурия лоб, то приоткрывая рот, то начиная теревить рука-

ва рубашки. Он вообще любил подумать, рассматривая тему с разных точек зрения, делая много выводов, но, как правило, это все было совершенно бессмысленно и не несло никакой пользы. Джем скучающе ковыряла царапину на спинке дивана, ни капли не волнуясь о моей судьбе.

Меня все происходящее отнюдь не радовало. Всё начало меняться как раз в тот момент, когда я желал этого меньше всего на свете. Конец последнего года в колледже, слава как одного из лучших баскетболистов, более-менее приличные баллы – и вот из-за маленькой ссоры это летит ко всем кюрукам!

При этих мыслях я почти жалел, что не прибил Близнеца до конца. Это хотя бы оправдало все проблемы.

Я не выдержал и резко поднялся на ноги. В голову тут же ударила слабость, и я даже пошатнулся, чуть не повалившись обратно на диван. Вот что значит пропустить обед и ужин. Я уже должен был упасть в обморок от недоедания, но почему-то совсем не ощущал голода. Странное чувство.

От друзей было не больше толку, чем от стен, хотя, что я рассчитывал получить? Что они расстроятся до слез? Расправят плечи и скажут, что они пойдут за мной на край света? Умоляю. По меньшей мере, хотелось бы услышать от них какие-нибудь ругательства в адрес мистера Директора, Близнеца, а заодно и всех эйтов тоже. Мне немного полегчало бы от этого.

– Ты закончишь обучение здесь?

Кайл поднялся следом за мной и нервно сцепил пальцы. Небольшие, широко расставленные глаза смотрели на меня почти с жалостью, а длинная черта рта искривилась. Мне даже стало его немного жаль – теперь еще не уснет из-за всего этого. Хотя кто сказал, что я засну как младенец? Я чувствовал себя ужасно уставшим, но сна не было ни в одном глазу.

– Не все ли равно? – хмыкнул я. – Кажется, пора паковать вещички.

Джем медленно сползла с подлокотника дивана, на котором сидела до этой минуты. Меня прямо злость взяла, когда я увидел, как она спокойна и равнодушна ко всему. Небось, если бы оказалась в моей шкуре не вела себя как ленивая кошка, а ногти сгрызла бы от беспокойства. Хотя, о чем я говорю – ей этого никогда не суждено понять, она *слишком нормальная*, в ней ничего нет побочного. Сейчас она сонно потянулась, встав на носочки, и помахала нам ручкой на прощание.

– Уж очень постарайся больше никого не убить, – едко попросила она меня, как будто я в самом деле зашиб Близнеца насмерть. – Хотя бы до завтрака.

Легко хлопнув Кайла по локтю, она, не оглядываясь, пошла прочь и через секунду уже исчезла. В воздухе остался висеть только легкий и почти невесомый аромат тех цветов, что растут у Озера Грез.

Кайл наклонился ко мне и прошептал:

– Она злится, что это все случилось в ее День Нахождения.

Я икнул от ужаса. День Нахождения Джем! Кажется, в ближайшем будущем меня ждет кое-что пострашнее приговора эйтов.

До меня не сразу дошло, как действовали браслеты-барьеры. Да, они блокировали мою побочную силу – возможно, не всю ее, но большую часть точно. А за эту «услугу» мне пришлось расплачиваться своей энергией.

Я совершенно не выспался, опоздал на завтрак, а потом и на лекции. Мое ловкое, сильное тело стало неуклюжим и медлительным. Мне постоянно хотелось прилечь отдохнуть или хотя бы закрыть глаза – просто закрыть глаза, всего на одну минуту. От шума вокруг болела голова, а во рту стоял один и тот же привкус – старого, засохшего печенья со дна банки. Если так будет продолжаться дальше, то я сдохну до того, как Директор получит ответ эйтов.

На обеде в столовой я взял чашку кофе и больше ничего. Есть не хотелось, хотя в последний раз я нормально питался только утром вчерашнего дня. Даже Кайл и Джем с удивлением уставились на мои почти пустые руки, когда я подошел к нашему столику.

– Я не голоден, – пробормотал я в ответ на их молчание и прихлебнул кофе.

Обжигающий, горький, вонючий кофе. Жаль, что в колледже не найти энергетиков.

– Этот день войдет в историю, – прокомментировала

Джем с присущим ей сарказмом и желчью.

Кайл бросил на подругу укоризненный взгляд, да только какой от этого толк? Ее уже ничто не перевоспитает. Я снова вспомнил, что не поздравил ее вчера, но мои мысли тут же перебил Кайл:

– Может, попросить у госпожи Докторши какие-нибудь таблетки? – предложил он. – Это же стресс для твоего организма, нужно его поддержать.

Я помотал головой, не смотря на него. Снова встречаться с Докторшей мне не хотелось и уж тем более клянчить у нее лекарство. Всё как-нибудь образуется само собой. Это мое жизненное кредо.

На некоторое время за столиком натянулась неприятная тишина, прерываемая лишь звяканьем приборов. Я то и дело ловил на себе взгляды остальных студентов, в шушуканье и разговорах вокруг слышался мой номер или кличка. Колледж был счастлив. Давно уже не происходило ничего масштабного, и сейчас можно было вволю посплетничать. Я снова стал местной звездой, но сейчас меня это не очень радовало.

И тут Джем решила перейти с одной болезненной темы на еще более неприятную:

– Пойдешь смотреть на игру? Тебя заменят тем парнем с рогами, забыла его прозвище. Говорят, он отлично ведет мяч.

Я не мигая уставился на нее в ответ, желая только одного

– чтобы она заткнулась. Но Джем закончила предложение и невинно хлопнула ресничками, ожидая моей реплики. Чувства людей ей вообще неведомы.

– Спасибо, как-нибудь проживу без этого зрелища, – вежливо ответил я, когда наша игра в гляделки затянулась.

– Как знаешь, – пожала плечами подруга. – Я схожу.

Вот предательница!

Кайл ерзал на одном месте, не зная, что сказать, чтобы разрядить обстановку. Свой салат из моллюсков и вареную картошку с рыбой он уже давно проглотил. Джем медленно ковырялась палочками в миске, где были покрошены сырые брокколи и морковь, политые лимонным соком. Может, это из-за ее странной диеты у нее притупились все эмоции и чувства?

– Долго вчера лежал в отключке? – неожиданно спросил Кайл. – Как оно?

Я сделал еще один глоток кофе, только бы не отвечать ему сразу. Мои отключения после проявления побочной силы – одна из немногих, если вовсе не единственная тема, которую я старался не обсуждать с друзьями. Верно, здоровяку совсем в голову ничего не шло, раз он спросил об этом.

– Целый час. Отлично себя чувствовал, если бы не «барьеры».

Кайл опустил взгляд, догадавшись, что я не хочу говорить об этом. А Джем вдруг потянулась ко мне и ущипнула за руку палочками для еды. Я дернулся и едва не пролил на себя

остатки кофе. Вот постоянно она так! Неудивительно, что ее кличка – Укол.

– Колись, – строго приказала она. – Колись, что случилось.

Я бы все равно им ничего не рассказал, а последующие события сыграли отличный предлог, чтобы забыть об этой теме еще на некоторое время.

Я просто не понимаю, как объяснить ребятам свое нежелание делиться с ними тем, что происходит, когда я теряю сознание. Они знают обо мне все – даже мое настоящее имя. И да, они хотят знать о моих проблемах только за тем, что могут реально помочь. Я доверил бы им свою жизнь, не моргнув и глазом.

Но мои отключения – это только мои отключения. Маленький, тихий уголок жизни, где есть я и еще один человек.

Отключения всегда идут под руку с моей побочной силой. Еще младенцем, как любят рассказывать родители, я вырубался на несколько часов, стоило побочной силе вылезти наружу. В начальной школе они почти прекратились, потому что была куча всего вокруг, на что отвлекался мой организм. Мне было просто не до магии: я переключал внимание с неудач на новые открытия, с ошибок на победы ежеминутно, и выпадать из этого графика даже на час я себе позволить не мог (хотя мой первый серьезный провал оставил в памяти яркие впечатления. Если вкратце, то я взорвал баскетбольный мяч и поджег форму тренера).

А вот переходный возраст отыгрался на мне по полной. Мало того, что тебя вдруг начинает ненавидеть собственное тело и в голове появляются странные и пугающие мысли, побочная сила в это время начинает разрушать все вокруг без разбора. Я подпалил усы учителя по химии, взорвал как минимум десять шкафчиков одним взглядом, поднял в воздух одноклассника, который просто задел меня плечом и даже чуть не спалил библиотеку. И, разумеется, отключения случались часто, неожиданно и порой надолго. Тогда-то я и смог как следует рассмотреть место, в которое переносился во время этого.

Я полагаю, что это не разновидность сна, а все же вполне себе реальное измерение, которое при желании можно найти. Когда я попадаю туда, то осознаю, что нахожусь в отключке и что через некоторое время приду в себя. Я не могу пожелать фантастических вещей вроде полетов или сделать еще что-то странное, но мне это и не нужно. Здесь я могу отдохнуть и побыть один... или почти один.

Это место всегда выглядит одинаково – берег моря и пригорок над ним, где растет одно дерево. Вместо травы там голубые одуванчики, а над морем сияет две луны – одна полная и тонкий месяц. По этим признакам нетрудно догадаться, что это место находится не в мире людей. Обычно я бродил по мелководью, сидел на земле или забирался на дерево. Я никогда не пытался уйти отсюда и попробовать найти другое место. Мне было хорошо и здесь.

Вскоре меня стала навещать девушка. Вернее, иногда она была девушкой, иногда женщиной, маленькой девочкой или даже старушкой. Она меняла возраст, могла немного изменить облик, но ее отношение ко мне всегда оставалось одинаковым.

Она заботилась обо мне и, возможно, даже как-то помогала быстрее восстановиться после проявления побочной силы. Я не знал ее имени, не знал, кто она и откуда. Я даже не мог точно сказать, существует ли она на самом деле, в одном из тысячи миров. Но для меня она более чем реальна.

Чаще всего она просто появлялась из ниоткуда и садилась рядом со мной. Она могла не прикасаться ко мне и даже не смотреть в мою сторону, но мне было достаточно ее присутствия. Это успокаивало так, как меня не могло утихомирить ничто и никто в реальном мире. Возможно, она была волшебницей, и в этом заключалась ее великая магия. Я часто рассказывал ей, что же я натворил такого, из-за чего в очередной раз отключился, и что вообще происходит в моем мире. Иногда молчал.

Она мне не отвечала. Она вообще никогда не разговаривает.

Мне скрывать нечего – вокруг меня происходило очень много странной фигни. Но самыми странными, вернее, удивительными, являлись встречи с этой девушкой. Они казались такой интимной, личной и хрупкой частью моей безбашенной жизни, что делиться этим с кем-то, даже с близкими

друзьями – ни-ни.

Поэтому я даже был рад, когда в столовой по громкоговорителю прозвучал голос мистера Директора, и мне не пришлось выдумать отмазки, чтобы избежать этого разговора.

– НОМЕР T23, ПРОСИМ ВАС НЕМЕДЛЕННО ПОСЕТИТЬ КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА!

Сообщение было повторено еще два раза, а я, как самый примерный ученик, уже всю торопился на третий этаж главного корпуса, где обитал мистер Директор. Я надеялся, что Кайл и Джем не успеют последовать за мной, потому что я, правда, не был сейчас в том настроении, чтобы болтать с ними.

В кабинете мистера Директора я уже был не один раз и чувствовал там себя почти как дома. Здесь просторно, и у него нет секретаря. Стены из белых панелей, серый полосатый ковер, засохшее растение в огромном горшке. Сам мистер Директор был самым нормальным человеком в мире и страшно этим гордился. Он не раз упоминал, как важно сохранить чистоту крови, чтобы избежать проблем. Себя, разумеется, он ставил в пример. Но при этом я никогда не слышал, чтобы он плохо отзывался или относился к людям с побочной силой или внешностью. И он всегда шел навстречу студентам – закрывал глаза на просрочку аренды комнаты, если знал, что у человека проблемы с деньгами. Уговаривал профов дать еще один шанс какому-нибудь недотепа, кото-

рый завалил все, что можно было завалить. И предоставлял хлеб и кров детям, которых подбрасывали на порог колледжа. Возможно, поэтому мистера Директора все уважали. Уж я-то точно знаю: Джем в нем души не чаяла.

– T23, проходи, – любезно протянул он, лениво вращаясь на своем стуле то в одну сторону, то в другую.

Он улыбался мне с долей снисходительности и отцовской заботы, но я уже достаточно хорошо знал его, чтобы сразу понять – он чем-то обеспокоен и теперь старался это скрыть. Что-то случилось – может, уже пришел ответ от эйтов? Но нет, они не могли так быстро, у них и без меня хватало забот. Тогда что еще стряслось ко всему прочему? У меня начало покалывать пальцы от волнения. Если бы не «барьеры», я бы уже обязательно что-нибудь подпалил или взорвал.

– Присаживайся, сынок.

Мебель в кабинете была широкая, кресла – мягкими. Все они в совокупности походили на самого мистера Директора – на его широкое лицо, лысину, плотное, мягкое тело и глубокие складки на костюме. Я сидел на самом крае белоснежного кресла, готовый вскочить в любой момент. Запах средства для уборки, которым тут пользовались утром, першил у меня в горле. Мне очень не нравилось то, что я еще не услышал.

– Сегодня мы получили ответ от совета эйталитов по поводу вчерашнего происшествия, – формально начал Директор, и я сильно сжал руки в кулаки, стараясь справиться с

внезапным приступом паники. – Ответ был... емким. – Он помедлил еще раз, едва не сводя меня с ума этой паузой. – Они хотят тебя видеть.

Я чуть не подорвался со своего места. Так и знал! Я встал им поперек горла. Они удивились, как не узнали обо мне раньше. Они в ярости, что я пользуюсь их магией без стыда и совести. Они проведут какой-нибудь эксперимент, чтобы узнать, на что способна моя побочная сила? Попытаются забрать ее у меня? Посадят в тюрьму? Ликвидируют? Да этим уродам что угодно может прийти в голову, никакие человеческие морали их не волнуют!

– Как ты и сам понимаешь, – Директор изменил голос – теперь он говорил более серьезно и строго, – эйталиты вряд ли отпустят тебя обратно. С каждым годом твоя сила возрастает. И с ней опасно оставаться в мире людей. Я не скрываю, я не знаю, что они собираются с тобой делать.

– Ликвидируют, – буркнул я.

– Ну, зачем так пессимистично? – в голосе опять прозвучали отцовские нотки, но вскоре их заменил тон руководителя. – Но и мы им не марионетки, чтобы по первому требованию вырывать тебя отсюда и передавать им. Мы попросили времени для тебя, один месяц. Этого хватит, чтобы ты сдал все экзамены и получил диплом. Ты все-таки закончишь колледж, а не покинешь его без двух дней выпускником.

Я чуть не поперхнулся от такой щедрости. Он чокнулся? Зачем мне диплом в мире эйтов? На стену для красоты по-

весить, что ли?

– Я не люблю бросать дела незавершенными, – медленно пояснил Директор, водя большим пальцем по скругленному краю своего стола. – Везде нужно поставить точку, прежде чем начинать что-то новое. Я поговорю с профессорами, чтобы они провели тестирование. У тебя будет около двух недель на подготовку, не больше. Это все, что я могу сделать.

Меня распирала злость, и ладони слегка побаливали. Вместе с этим с каждой секундой усиливалась слабость, а пульс учащался. Я был в ярости и ужасе и, не в силах подорвать или разбить что-нибудь, чтобы дать волю эмоциям, я фактически пожирал сам себя.

– Это все, – повторил Директор, наблюдая за мной и, вероятно, догадываясь, что я испытывал.

Я сцепил пальцы в замок, затем сжал их в кулаки, а потом попытался расслабиться. Директор и в самом деле сделал все, что мог для меня – попросил немного времени у эйтов. Хотя знал, что мне нельзя оставаться в мире людей – а если, чего доброго, «барьеры», не выдержат? Он попросил, хотя у эйтов просить не принято. Для меня. Чтобы я закончил его кюруков колледж.

– Спасибо, – буркнул я, и с удивлением почувствовал, как слабость начинает отступать, покалывание прекратилось. Мне даже дышать стало легче.

Директор кивнул мне на прощание и искренне добавил, прежде чем я вышел за дверь:

– Мир людей лишится талантливого баскетболиста.

Хотел он похвалить меня этим или чтобы я почувствовал себя польщенным? Мимо, меня лишь окончательно добила эта фраза, и я закрыл за собой дверь, искренне надеясь, что она разлетится в щепки.

Но ничего не случилось.

Номер Л5. «Кашалот». Кайл

Месяц, один месяц?! Всего через месяц Хэл исчезнет за тяжелой дверью с табличкой «Эйталиты»? Всего месяц на всё, что он еще не успел сделать в мире людей? Всего через месяц я потеряю своего лучшего друга?!

Нас всех подвергли в шок слова мистера Директора. Ну, то есть, насчет себя могу сказать это с твердой уверенностью. Я был просто в ужасе. Хэл же выглядел на удивление спокойно, но я понял, что это из-за действия «барьеров», иначе бы тут все вокруг уже горело черным пламенем.

Джем крепко скрестила руки на груди, вздернула острый подбородок, и мы с Хэлом приготовились к гневной тираде.

– Что, прости? Эйты забирают тебя к себе, как какую-то вещь? И тебе дали месяц чтобы ты прошел тестирование? Чтобы, кюрук тебя подери, ты получил диплом? Я правильно все поняла?

Я вдруг подумал о том, что если бы наша Джем сию же секунду предстала перед всем советом эйтов и повторила бы свой вопрос с такой же интонацией и, разумеется, с этим же взглядом, то никто бы не осмелился забирать от нас Хэла. Побоялись бы.

– Правильно, – отозвался Хэл, невозмутимый и равнодушный как никогда в жизни. – Наверное, уже пора начинать готовиться к экзамену.

Джем размахнулась и сгребла его за ворот рубашки. Хэл замолк от неожиданности и согнулся почти в два раза. Он не такой уж и высокий, на самом деле, но Джем все равно пониже его.

– Лучше бы ты прибил Близнеца насмерть, раз тебя все равно забирают, – прошипела она, почти не разжимая зубов. – Лучше бы ты сразу родился полноценным эйтом и никогда здесь не появлялся!

Она оттолкнула его от себя так, что Хэл едва не потерял равновесие, и быстрым шагом пошла прочь, ни разу не оглянувшись и больше ничего не сказав. Давно не видел ее такой злой.

– Ясно, кто меньше всех будет скучать по мне, – просипел Хэл, потирая шею. – Будь у нее побочная сила... ух, даже самая слабая... – он оттянул ворот рубашки и сглотнул. – Страшно представить, что стало бы с колледжем и со всеми нами.

Я слегка улыбнулся и кивнул. Веселиться желания не было, но не лить же теперь слезы из-за всего этого, в конце концов.

– Ты под арестом? – спросил я, невольно глянув на его руки.

Браслеты были спрятаны под длинными рукавами рубашки, но их контуры проступали через ткань.

– Зачем? – устало отмахнулся Хэл. – Если я сбегу, то не доберусь даже до города. Они все просчитали... – он тихо

ругнулся под конец.

«Сбегу»?

– Тогда сгоняем в центральный округ после лекций? – предложил я. – Возьмем по пицце – у эйтов тебя вряд ли угостят чем-то подобным.

Точно не знаю, но слышал, что эйты не жалуют современную кухню, не признают фастфуд и едят чуть ли не сырое мясо с дикой травой. Может, это звучит примитивно, но я считаю, что еда – один из самых лучших способов для поднятия настроения. Кто-то занимается ингелой, кто-то в ярости ломает вещи, ну а я предпочитаю поесть.

Хэл попытался улыбнуться – действительно постарался, хотя настроение было далеко не радостное.

– Не откажусь, приятель.

Если долго не выбираться за пределы колледжа, то вскоре может создаться впечатление, будто весь мир – колледж. Тогда и твоя собственная роль в нем выглядит более существенной, и правила игры не такие страшные, и вообще все кажется под полным контролем.

Но стоит выйти за ворота, как начинается что-то обратное клаустрофобии. Ты неожиданно вспоминаешь, что за забором столько места, что там может разместиться еще такой же колледж. Ты осознаешь, что и этим дело не заканчивается, и за пределами родного острова где-то находятся другие материки и острова (на каждом из которых может стоять око-

ло десятка колледжей). Тебя охватывает паника, ты начинаешь чаще дышать. Затем вдруг вспоминаешь о мире эйтов, который, ну, как минимум в пять раз больше всего твоего мира. Твое состояние близко к обмороку. Ты бледнееешь... и думаешь об остальных мирах, которые спрятаны в толще реальности, миры, которые могут быть еще больше обитания эйталитов... Мозг готов взорваться от перегрузки.

Я выбираюсь в соседние округа довольно часто, да и Хэл мотается туда-сюда. Это такие, как наша Джем, редко покидают родной дом (а колледж для нее и есть настоящий дом во всех смыслах), и я вижу, как неуютно она себя чувствует в городе. А может, мне все просто кажется, и Хэл прав насчет того, что у нашей подруги чувств нет совсем.

В колледже можно брать напрокат скейты, велики, ролики, но мы решили обойтись без всего этого. Главной причиной, конечно, было то, что у Хэла опять неполадки с финансами, но не спеша выгулять мозги, как следуя все обдумать, тоже было очень важно. Вернее, мне-то думать было не над чем. Что я мог сделать для Хэла? Как я мог повлиять на решение мистера Директора и эйтов? Кто я такой для них? Я не бесился от собственной беспомощности, а относился к этому философски. Джем бы я мог посоветовать то же самое, только вряд ли она ко мне прислушается.

Мы брели по улицам Роуздилла, не глядя по сторонам и не обращая ни на кого внимания. Да и люди нас тоже особо не разглядывали – хоть мы и были в форме колледжа, все

местные привычны к оравам студентов, кочующим от округа к округу. Других подростков здесь мало – в колледже сосредоточены почти все молодые люди города старше десяти и младше двадцати. Это они пусть чувствуют себя неловко среди взрослых и стариков, а нам стыдиться нечего.

Перед прогулкой Хэл переоделся в спортивную форму, потому что он ненавидит брюки, и рубашки, и когда нужен галстук, а еще хуже, если и запонки, и вообще ему туфли уже все ноги натерли. Правда, баскетбольная форма колледжа была не менее узнаваемой, чем обычная повседневная, так что *затеряться* среди простых горожан ему все равно в ней не удалось бы.

Эта мысль просто проскочила в моей голове, я ни на что не намекаю.

Роуздилл занимает весь остров с одноименным названием и со всех сторон окружен Великим океаном. К несчастью, я вырос в центральном округе, там, где совсем не слышен шум прибоя и не ощущаются ароматы песка и воды. При каждом удобном случае я выбирался к берегу, но... несмотря на кажущуюся простоту, случалось это очень редко. Я постоянно был чем-то занят, не по своему желанию. Знаете, как родители решают вырастить свое чадо универсальным человеком? Его отправляют на кружок танцев, и в музыкальную школу, в клуб радиолюбителей, а еще на курсы астрономии. В итоге вырастает такой болван, как я, который ничего не смыслит в жизни, до сих пор не определился, чем будет заниматься, но

зато может станцевать чечетку и спеть «Ты свети, мой фонарь».

Роуздилл не самый продвинутый город, но здесь достаточно автомобилей, в городе у всех есть электричество, радио, телефонная связь, а недавно появилось цветное телевидение. На улицах зеленели новые будки таксофонов, в любом кафе можно было включить музыкальный автомат или сыграть в аркадный. Мне нравилось наблюдать за технологическим прогрессом, отмечая новинки и узнавая об открытиях. Я искренне любил Роуздилл, и, как бы я ни относился к эйтам и их поступкам, приходилось признавать, что всё это мы имеем только по их воле. Эйты держат власть над людьми, и сколько бы те ни восставали, как громко бы ни роптали, это останется так. Люди работают на эйтов, а они позволяют им жить со всеми современными удобствами. Вполне честная цена.

В городе была одна по-настоящему хорошая пиццерия, которая занимала два этажа и еще площадку на улице. На первом этаже стоял цветной телевизор, а на втором играло радио. Меню предлагало около двух десятков видов пицц, а еще закуски, десерты и напитки. После полезной, но такой надоевшей еды в колледже здесь можно было устроить себе настоящий праздник живота по любому поводу и при наличии неплохих финансов, разумеется.

Не хочу хвастаться, но с последним у меня проблем не

бывает.

В пиццерии всегда тусовалось много народа, и нам с Хэлом с трудом удалось найти местечко возле окна на втором этаже. Молодая официантка – из тех девушек, что провалили экзамены в колледж – испуганно покосилась на нас, отдала меню и поспешила уйти. Да, студентов в подобных заведениях не особо жалуют. Такой уж у нас сложился имидж, что мы можем только шуметь, разбрасывать вокруг себя еду, быть наглыми с официантами, а потом еще ныть, что денег-то у нас сейчас с собой нет и нельзя ли как-нибудь записать на счет родителей или друзей...

А я люблю ломать плохие стереотипы и себя так никогда не веду.

– Мой Кат, как я уже устал от этого денька, – протянул Хэл, разваливаясь на диванчике, запрокидывая голову на спинку и вытягивая ноги далеко вперед. – Я сейчас думаю, что мне придется срочно готовиться к тестам и экзамену и... ох, может, мне просто повеситься, а?

Я постучал меню по столу, поглядывая поверх него на друга. За спиной Хэла было панорамное окно, выходившее на оживленную улицу. У меня вдруг создалось впечатление, что стекла на самом деле нет, и Хэл вот-вот сорвется вниз. Я слегка куснул себя за губу изнутри, чтобы отвлечься, и махнул рукой в сторону.

– Я могу помочь – с экзаменами или повешением, не велика разница. Только скажи, чувак. Но давай сначала поедим,

я просто умираю...

– Обед был два часа назад.

– Знаю, но на нервной почве я становлюсь таким голодным, – я слегка улыбнулся и спрятался за меню, разглядывая названия блюд.

Вообще-то мне кусок в горло не лез, как казалось. Но я надеялся, что когда нам принесут горячий круг пиццы с розовыми креветками, белыми полосками из кальмаров, темными мидиями и можно еще, чтобы там были оливки... Он тепло дышит свежей хлебной корочкой, тонким, щекочущим ароматом соленой воды и нежного-нежного мяса... Уже сейчас у меня что-то забулькало в животе от таких мыслей.

– Кайл, – тихо позвал меня Хэл, пододвинувшись поближе, – как считаешь, меня правда ликвидируют?

Я с трудом оторвался от мыслей о пище и несколько раз повторил его вопрос про себя, чтобы до конца вникнуть. *Ликвидировать?* Как не люблю это слово, такое противное на вкус и такое угловатое в мыслях. По большей части это связано с тем, что никто из людей толком не знает, как происходит процесс ликвидации у эйтов. Ну а где незнания, там бесчинствуют домыслы и слухи. Я, например, слышал, что человека (или самого эйта) умертвляют, затем расчленяют, кремируют, а прах развевают над миром людей, где он смешивается с дорожной пылью, землей и просто оседает в домах. От человека не остается ничего материального. Он исчезает из всех известных миров разом.

Когда я вспоминаю этот вариант, то тут же, изо всех сил стараюсь не думать о том, что люди, возможно, дышат этими несчастными, и они откладываются в наших легких... Брр!

У меня опять ком встал в горле после затрагивания такой темы. Хэл же был совершенно спокоен и серьезен, чего с ним вообще случалось редко. Это все из-за «барьеров», поверьте мне на слово.

– Да ну брось, старина, – небрежно протянул я, листая меню и не смотря на друга. – Никого еще не ликвидировали за то, что у него развита побочная сила. Тебя просто отдадут в колледж эйтов и сделают полноправным жителем их мира. А может, вовсе глянут на тебя и отправят обратно. Всякое бывает.

Я понятия не имел, что на уме эйтов, и что в принципе принято делать в этих ситуациях, а потому мои слова звучали не лучше, чем: «Ветер дует, потому что деревья качаются». Но я пытался подбодрить друга, изо всех сил.

– Почему эйты ответили так быстро и сразу захотели забрать меня? – с подозрением продолжал гнуть свое Хэл, почти не слушая меня. – Мне не нравится такая реакция. Я подумал...

Он резко замолчал и выпрямился, смотря мне за спину. Я и оглядываться не стал, а сразу приготовил меню, готовясь озвучить заказ.

– Нам морскую, большой круг, и...

Меню вырвали из рук и хлопнули им меня по голове. Я

обиженно ойкнул, оборачиваясь назад, но пока я возился, невидимый противник успел обойти вокруг меня и плюхнуться в кресло напротив. Когда я, наконец, снова повернулся вперед, то увидел, что Хэл давится со смеху, а Джем сердито буравит меня взглядом. Эту ненормальную то днем с огнем не сыщешь, то она вдруг появляется, когда меньше всего этого ждешь. Но, тем не менее, я рад был видеть ее.

Джем тоже была в спортивной форме, но оставила гольфы и куртку в колледже. На ней остались только майка и шорты. Вместо кед были роликовые коньки. Джем стянула их прямо здесь и забралась в кресло вместе с ногами, скрестив их. Все это заняло меньше десяти секунд, и вот она снова смотрит на меня в упор. Пухлая нижняя губа поджата, брови сползли к самым глазам. Я слегка приподнял уголки губ в ответ, но это не помогло.

– Вы, два кугалунга, почему не взяли меня с собой? – воскликнула Джем, полностью завладев нашим вниманием.

– Но ты же ушла, мы больше тебя не видели, откуда нам было знать... – начал было оправдываться Хэл, но Джем лишь ударила его кулаком под ребра.

Хэл отодвинулся на другой край диванчика и выразительно глянул на меня. Я едва заметно кивнул, соглашаясь с ним. Девчонки такие же непредсказуемые, как и природные катастрофы, в особенности, если их насылают эйты!

Заметив наше переглядывание, Джем разозлилась по-настоящему. Подхватила с пола один ролик и замахнулась им.

– Хватит лыбиться, дурачье! Быстро рассказывайте, что вы тут без меня выдумали!..

Она скривилась, когда к нашему столику подошла официантка. Та недоуменно и почти со страхом уставилась на нашу подругу, которая продолжала держать в одной руке конек. И прежде, чем разразился скандал, я выпалил:

– Нам пиццу «морская», самый большой круг, а также среднюю пепперони и маленькую вегетарианскую. И три мохито без алкоголя, пожалуйста.

– И салат со шпинатом, – голосом, холоднее льда, добавила Джем.

Когда наш заказ был доставлен, официантка получила свои чаевые и, так ничего не сказав на наше неожиданное и весьма грубое пополнение, удалилась, мы наконец-то смогли нормально поговорить. Я имею в виду, не размахивая обувью, не собираясь нигде вешаться и больше не урча животом на всю пиццерию.

– Мы обсуждали ликвидацию, – спокойно начал объяснять Хэл, и я едва не поперхнулся мохито. – Что ты думаешь об этом?

– О ликвидации? – Джем и бровью не повела, пытаюсь языком вытащить листик салата, застрявший между зубами. – Никогда не было повода подумать о ней. А ты мечтаешь, чтобы тебе оказали такую честь?

Для девчонки ничего святого нет, она над чем угодно го-

това потешаться.

— А разве это не логичный вывод из всего, что происходит в последнее время? — Хэл начал нервничать. Он даже отложил кусок пиццы и полностью повернулся к Джем. — Я не нужен эйтам. И людям здесь тоже. Понимаешь? Ни там, ни там. Ликвидация — единственный выход, и именно это они и сделают.

— Аппетит не порти, — оборвала его Джем, продолжая спокойно пережевывать свою порцию. — Не приходил в голову такой вариант, что ты им вообще не сдашься, и тебя отправят обратно?

— Слишком маловероятно, — упрямо возразил он. — Они решат, что меня опасно оставлять, в любом из миров.

Мне не нравились его мысли, но я не мог найти ничего убедительного, чтобы ответить. А Джем, похоже, забавляли его опасения. Было ли хоть что-нибудь, способным напугать ее по-настоящему? Так, чтобы у нее сбилось дыхание и перевернулось сердце в груди? Не хотелось об этом думать, но я понимал, что если со мной или Хэлом что-нибудь случится — даже тогда Джем едва обратит на это внимание. Найдет себе новых приятелей, над которыми будет потешаться.

— У кого-то звездная болезнь. Ликвидация — затратный процесс. Возиться из-за очередного дефектного? Больно надо. — Джем отвела взгляд и взяла свой бокал с мохито.

Хэл собирался что-то ответить, но вместо этого поступил весьма мудро — откусил от своей порции, молча прожевал

и только после этого заговорил снова: негромко и уже без явных эмоций:

– У меня нет никакого желания проверять, кто из нас прав. У меня нет никакого желания вообще идти к этим уродам и ждать, что они решат со мной сделать.

Джем проглотила последний кусочек своей травяной пиццы и потянулась, прикрыв глаза. Она удивительно похожа на кошку и на птичку одновременно. Небольшое, гибкое тельце и короткие, мягкие волосы, похожие на перышки. Она почти всегда казалась такой расслабленной и ленивой, но стоило тронуть ее, как мгновенно бросалась в атаку. Могла заклевать до смерти, разодрать когтями на клочки. А затем, как ни в чем не бывало, возвращалась в свое гнездышко и продолжала дремать дальше.

– Я же говорю, вы что-то уже задумали, – наконец произнесла она, посмотрев на нас. – Колитесь. Сейчас же. Что. Вы. Задумали?

Я собирался возразить, что ничего мы не придумали и вообще, что она несет, как Хэл вдруг произнес – тихо, но предельно ясно:

– Пора валить отсюда.

Я наивно понадеялся, что он имеет в виду пиццерию.

Джем промахнулась и ударила палочками мимо миски с салатом.

– Ты хочешь сбежать из колледжа? – прошептала она,

округлив глаза. – Куда? Навсегда?

Она даже раскрыла и поставила меню, словно за ним можно было спрятаться от всего мира. Я тоже пододвинулся к столику поближе, одновременно с этим посматривая по сторонам. Верно, до этого мы не привлекали к себе никакого внимания, а сейчас выглядели как супер-секретные агенты, которые стали заметны всем вокруг. Хэл склонился над столом, отодвинул пустой бокал и зашептал, для пущей секретности прикрыв рот рукой:

– Я не собираюсь быть куклой в лапах людей или эйтов. Я уйду из колледжа на время и вернусь, когда про все уже забудут, и шумиха уляжется. Не думаю, что это займет много времени. Еще успею потанцевать на выпускном балу.

Возможно, Джем и ожидала что-то такое, но только не я. После заявления Хэла у меня буквально челюсть отпала. Никто ранее на моей памяти не пытался сбежать из колледжа. И мне самому никогда подобные мысли в голову не приходили, на них просто не было причины.

– А как же экзамены? – растерянно пробормотал я, не в силах поверить, что все может быть так просто и легко.

Хэл лишь легкомысленно пожал плечом, даже не посмотрев на меня.

– Ерунда. Я один из лучших баскетболистов, как они смогут меня?..

– Выставят на раз-два, – жестоко перебила его Джем. – Это тебе не прогулять одну лекцию, знаешь ли.

Я заметил, как руки Хэла напряглись. Ой, не любит он плохих новостей, но, по крайней мере, сейчас он не мог рассердиться по-настоящему, и это удивительным образом внушало еще больше беспокойства.

– Госпожа Отличница, кажется, вы сгущаете эффект, – протянул он. – Если я вернусь как раз к сроку сдачи экзаменов, то все будет тип-топ, я более чем уверен. Начальство и профы любят говорить, что мы полные кугалунги, ничего не сдадим, а за один косой взгляд нас выставят вон. Расслабься, это просто показуха.

– Ну-ну, посмотрим, – в тон ему ответила Джем и тут же продолжила: – Да и что даст этот твой побег? Думаешь, тебя не найдут? Или что они обо всем начисто забудут? Ты просто очень наивный или очень оптимистичный?

Хэл отодвинулся от столика и скрестил руки на груди. Кажется, он уже успел пожалеть, что рассказал Джем о своем плане. Да и разве от нее можно было дожидаться слепого восхищения или одобрения? Она – Укол. Она не хвалит, а ищет слабые места, в которые тыкает, за которые щиплет до тех пор, пока не побеждает противника.

Или не заставляет его защититься лучше.

– Я все продумаю, – упрямо пробурчал Хэл, постукивая пальцем по одному из браслетов-барьеров. – Но оставаться и ждать своей казни я точно не намерен. Не на того напали.

Джем сердито вздохнула и провела рукой по коротким волосам, встрепав их. Она красит пряди в разные цвета – сей-

час, например, у нее просматривались разных оттенков розовые полосы на фоне светло-светло русых волос. Я иногда намекаю ей, что интересно и наверняка очень красиво она выглядела бы с длинными волосами, но Джем каждый раз смотрит на меня, точно на психа после этих слов и упрямо подрезает волосы, едва они начинают касаться плеч.

Лучше бы Хэл так рьяно следил за своей прической. Его густая шевелюра шоколадного цвета нередко переходит рамки дозволенного, закрывая ему глаза, а сзади завиваясь колечками. Но он откладывает поход к парикмахеру до тех пор, пока кто-нибудь из симпатичных студенток колледжа не намекает ему об этом. Или не предлагает свои услуги по стрижке.

— Пойми, глупенький, жизнь не закончится, когда тебя отправят к эйтам, — спокойно и медленно говорила Джем, пока я рассеянно проводил рукой по собственным коротким волосам. — Может, именно там тебе и место? — Она помедлила и добавила, отводя взгляд: — Хотя я не думаю, что они оставят тебя у себя. Ты слишком слаб для них. Может, только посмотрят поближе, прочтут лекцию, что нужно вести себя спокойнее (и я с ними буду согласна), а может, даже сохранят тебе один из «барьеров» (это бы я тоже одобрила). И все. Не стоит заблуждаться насчет того, как ты дорог этим тварям. У них и без тебя проблем полон рот. Ты для них просто один из пунктов, с которым нужно как можно скорее разобраться. «Побег»! «Ликвидация»! «Шумиха»! Даже если бы

ты прибил Близнеца насмерть – даже тогда все не было бы так критично. Ты же не один такой особенный, вас тысячи в этом мире. А люди для эйтов все равно что муравьи для мальчишек.

Не знаю как Хэла, а меня слова Джем окончательно успокоили. Просто камень с души. Я откинулся на спинку кресла, перевел дыхание (я и не заметил, как начал буквально давиться воздухом) и посмотрел на Хэла. Тот, наоборот, был раздосадован, но ругаться с Джем на глазах всей пиццерии он не стал. Наверное, от «барьеров» действительно есть какая-то польза.

А тем временем в закусочную набилось много народа, вокруг нашего столика слышались смех, болтовня, шуршание бумагой и звон посуды. В воздухе витали плотные ароматы горячего теста, томатов, копченого мяса, плавленого сыра, пряностей и сладких напитков. Еще немного, и мой желудок решит, что мы ничего не ели за последние часов пять и потребует новой порции.

Наверное, Хэл тоже подумал о чем-то подобном. Он раздосадовано посмотрел по сторонам и резко поднялся на ноги.

– Пойдемте домой, здесь больше нечего делать.

«Домой». Он сам-то понимал, какой смысл вкладывает в это название колледжа? Понимал, на что собирается пойти, оставив его? Оставив свой дом и семью? Нет, Джем права, никуда ему не деться, все это просто детские угрозы, вы-

крикнутые в мальчишеском запале. Чего скрывать, у всех бывает такое время, когда хочется куда-нибудь, от кого-нибудь, из-за чего-нибудь сбежать. Даже если это лишь домик на дереве во дворе.

Джем надела ролики, Хэл взял ее за руку, чтобы она не навернулась, и мы пошли через толпу посетителей, стараясь протиснуться между ними как можно скорее. Взрослые, семьи с маленькими детьми, пожилые и школьники младших классов. Никаких подростков или студентов, а потому нас провожали взглядами чуть дольше, чем остальных людей. Мне так и казалось, что все только и делают, что пялятся на мой рот. Я крепче сжимал вместе губы, ощущая, как острые концы зубов впиваются в плоть, и опускал лицо, жалея о том, что забыл надеть шляпу. Умом я понимал, что люди смотрят на что угодно: на татуировки Джем, на «барьеры» Хэла, на мой рост и форму, в конце концов, и им дела нет до того, как выглядит мой рот. Понимал, но все равно чувствовал смущение. Как всегда.

Мы спустились на первый этаж и почти дошли до выхода, как вдруг наткнулись на компанию шумных женщин, которые не могли найти себе столик. Когда мы начали обходить их, я узнал одну – самую громкоголосую, – и у меня кольнуло в груди. В тот же момент женщина обернулась к нам и ахнула.

– Кайл! Что ты тут делаешь?

Клянусь, мое настоящее имя услышала, как минимум половина пиццерии – я видел, как на нас посмотрело несколько человек. Хэл и Джем тоже недовольно покосились на женщину, но что поделать! Я улыбнулся, стараясь не растягивать рот шире дозволенной мной самим нормы, и поздоровался в ответ:

– Привет, мам. Как дела?

Это всегда неловкая ситуация, когда гуляешь с друзьями и неожиданно натыкаешься на предков. Вдвойне неловко, если у тебя такие предки, как у меня.

Моя мать заметна всегда и везде. Она выбирает одежду необычных фасонов, броские украшения и питает страсть к яркому макияжу. Отсутствие побочной силы или внешности она компенсирует умением говорить много и громко. С ней бесполезно спорить, и она способна договориться с кем угодно, даже, наверное, с самими эйтами.

Мне от нее достались лишь черные волосы и высокий рост. Все коммуникабельные навыки растерялись где-то по дороге.

И сейчас, пока одни ее подружки умилялись надо мной («ой, как вырос!», «какая стильная форма!», «какой взрослый уже!»), а другая часть заметила Джем (Хэл как-то выпал из поля зрения) и, разумеется, начала улыбаться и шушукаться на этот счет, маменька повисла у меня на шее и смачно поцеловала в щеку. Кажется, она до сих пор предпочитала ту густую помаду алого цвета...

– Милый, что ты здесь делаешь? А мы тут с девочками прогуливались и решили заглянуть, ты мне когда-то советовал эту пиццерию. У них тут есть десерты, кстати? А в колледже у тебя как, все в порядке? – затараторила она, наконец-то отступив от меня.

Я не видел родителей уже целый квартал или немного больше – со времен зимних каникул. Тогда я уезжал домой на десять дней, как и большинство других воспитанников колледжа. И было что-то неправильное в том, что я встретил мать раньше следующего отпуска или, чего уж там, раньше выпускного.

– Все хорошо, мам. И в колледже все круто. Мы просто выбрались на прогулку.

Маменька вроде бы успокоилась, но тут же вспомнила о больной теме:

– А как же экзамены? Ты хорошо готовишься?

Я заметил, как Джем и Хэл кидают в мою сторону многозначные взгляды, переминаясь с одной ноги на другую. Да и мамыны подружки уже успели потерять к нам интерес и теперь снова пытались подыскать себе свободный столик. Пора заканчивать с этим неожиданным визитом, хотя мне, если честно, хотелось бы еще немного поговорить с мамой – об отце, например. Но зависнуть на полчаса разговора с мамой, пока меня ждут друзья, было до ужаса бы неловко.

Знал бы я тогда, что в следующий раз увижу маменьку заплаканную, перепуганную, уверенную, что ее сына больше

нет в живых...

– Конечно, готовлюсь. Все будет супер, – пообещал я. – Мам, нам пора идти, передай привет папе и Уолту.

Уолт – мой младший брат, и я вроде как должен вспоминать о нем, чтобы передавать приветы и спрашивать о здоровье, даже если не всегда хочется. И нет, он учится не в колледже Озера Грез, хотя ему уже четырнадцать. У него... очень неудобная побочная внешность.

Тут мама спохватилась, что я уже взрослый и ужасно занятой студент. Родители частенько забывают о подобных вещах.

– Да, конечно, милый! Уолту передам, а вот отец сейчас не дома.

Меня это несколько не удивило, папы часто не бывает дома. Он мэр Роузвилла, довольно занятой человек. Но маменька не могла не сказать следующую фразу, чтобы добавить важности этому отъезду:

– Его срочно вызвали к совету эйталитов. Там что-то случилось.

Мы с друзьями переглянулись. В принципе, ничего нового – эйты крутятся в центре двух миров, еще бы у них ничего не случилось! – но нас все равно насторожило это заявление. Потому что если у эйтов что-то случилось именно сейчас, когда они готовятся загresti к себе Хэла, то мы должны об этом знать. А вдруг, это как-то связано с ним? Очень маловероятно, но если у них скоро праздник «Избавься от всех

дефектных» или что-то в этом роде, то не мешало бы предупредить нас.

– А что именно? Что-то в городе?

Мама колебалась, беспомощно смотря на меня. Кажется, она ляпнула информацию, которая не предназначалась широкой публике. Но видя большой вопрос в моих небольших глазах, маменька сдалась, вплотную подошла ко мне и быстро зашептала на ухо, обдавая сладким ароматом парфюма:

– Точно не знаю, милый. Что-то вроде розыска, как будто они что-то или *кого-то* потеряли. Агентов из эйталитов стало больше в городе, созывают советы. Мне кажется, сейчас что-то похожее на *тот сдвиг*. Многих отсюда вызвали к ним туда. И никто не знает, что именно стряслось... по крайней мере, я не знаю.

Она быстро отступила от меня, поправила шляпку и улыбнулась на прощание, словно ничего и не было.

– Хорошо учись, милый. Пиши и звони почаще. – Она мимолетно махнула рукой Джем и Хэлу, не зная их настоящих имен и уже давно забыв клички.

Она поспешила присоединиться к своим подругам, ни разу не обернувшись на меня, как будто испугавшись, что сказала слишком много, и из-за этого меня вот-вот сцапают агенты от эйталитов.

Заметив, что Хэл и Джем буквально пожирают меня глазами (серые и цвета ореха) от нетерпения и любопытства, я тихо прокомментировал:

– Всё чудастее и чудастее.

Номер Т23. «Скрип». Хэл

Я кишками чуял, что меня ждут недобрые вести.

Если бы Кайл услышал приятную новость, он не смог скрыть это, даже если бы постарался. Ему вообще трудно прятать эмоции, а особенно – страх.

Сейчас он шел с таким лицом, будто впечатался им в стену – глаза смотрят в одну точку, губы сжаты в длинную линию, большой нос словно стал еще шире и более приплюснут. Все черты застыли от напряжения. Меня снедало нетерпение. Хотелось схватить друга за плечи и трясти его до тех пор, пока из него не вывалится информация, которую ему передала его мамаша.

Джем, которая вообще частенько делала вид, что не знакома с нами, и сейчас казалась безразличной ко всему на свете, но нет-нет, а бросала на Кашалота любопытные взгляды. Я даже отчасти понимал, почему она всегда скрывает свои эмоции и чувства – не только потому, что не хочет показаться слабой и уязвимой из-за этого. Когда Джем чем-то заинтересована и показывает это, она становится похожа на ребенка. Девочка с большими, круглыми глазами, растопыренными пальчиками, готовые схватить что-нибудь, и чуть приоткрытым ртом. Я видел Джем такой от силы раза два и сейчас с удивлением узнал эту вторую натуру, которая проглядывалась в мельчайших деталях – сверкающих глазах, пальцах,

которые взволнованно стискивали лямки рюкзака, зажевывание губы. Ей было интересно узнать, что услышал Кайл, не меньше, чем мне самому.

Но здоровяк правильно делал, что не спешил выкладывать нам всё в городе. Честно говоря, нигде нельзя было говорить о чем-то секретном и чувствовать себя в безопасности, но в колледже, по крайней мере, мы могли хотя бы спрятаться от посторонних глаз в хорошо знакомых местах.

Люди боялись ляпнуть лишнего всегда и везде — из-за эйтов, шпионов, нервного правительства. Приходилось буквально создавать новый язык, засекречивая любую мало-мальски важную и тайную информацию. Ибо ты мог внезапно стать интересным для эйтов, которые считали, что должны знать всё, всегда и везде.

По слухам, они не особо церемонились с людьми, попавшими в их лапы.

Ты мог считать себя полностью пропавшим, если эйтам становилось известно твое настоящее имя — вот отчего эти прозвища и номера. Но даже с этим доходило до паранойи, и порой люди выдумывали себе свыше десятка имен, чтобы замаскироваться. Также некоторые не знали своих настоящих имен вообще.

Эйты всегда были со своими дефектами в головах, но недавно, лет двадцать назад, начался полный абзац. У одного эйта в совете снесло крышу. Что ему было нужно, кого он испугался, чем вообще руководствовался — никто до сих пор не

в курсе. Но за считанные дни этому психу удалось настроить большинство эйтов против людей, и наше и без того не блестящее положение в мире, стало еще более неустойчивым. Проводились допросы, обыски, всех поголовно подозревали в заговорах и шпионаже. Случилась даже одна крупная забастовка в городе, из совета прибыл эйт, чтобы лично договориться с людьми. Что-то пошло не по плану, взвинченные люди оказались вооружены, ну и... У оставшихся членов совета появилась новая причина сильнее затянуть гайки. Многих людей тогда арестовали и ликвидировали, зачастую даже без веских доказательств, что они принимали участие в той ужасной потасовке. Сейчас стало легче, эйты успели немного успокоиться, но люди до сих пор тревожно спят и стараются не привлекать к себе внимания.

Забавно, что я оказался в той самой ситуации, которая мнится худшим кошмаром для человека, но страха не чувствовал совершенно. Хотя, по-хорошему, должен был.

До сих пор по городу гуляли слухи и байки об агентах эйтов, которые шныряют по улицам и высматривают подозрительных персон, о магических системах слежения, о паразитах разума, которых опять же насылают эйты, дабы свести людей с ума. Даже говаривали о привлечении призрачной полиции – лучших полицейских и сыщиков, которые когда-либо жили на свете, но уже были мертвы.

По правде говоря, Кайлу лучше было вовсе не раскрывать свой рот, чего бы он там ни услышал про эйтов.

Уж не знаю, как мы прошли почти через весь город, не обмолвившись ни единым словом, и даже почти не смотря друг на друга. Кажется, это и выглядело со стороны самым подозрительным, и если бы эйты хотели, они бы уже давно обратили на нас внимание.

Зайдя за ворота колледжа, мы замедлили шаг. Куда идти? В корпусах нас могут подслушать, да и вдруг там спрятаны магические датчики для прослушки? В леса и парки тоже не выйдешь – там слишком много природы, которая всегда заодно с этими тварями. Про алтари и Озеро я вообще молчу – проще уж подойти к самому portalу в мир эйтов и начать громко обсуждать услышанное.

Поэтому мы нашли, как кажется, самый оптимальный вариант, – баскетбольную площадку на улице.

Она не была расположена внутри самого колледжа, и в то же время тут уже почти ничего не осталось от природы. Конечно, местность была открытая, да и народ здесь постоянно тусовался, а из-за криков, топота и звона мяча особо не поболтаешь. Но мы и не собирались говорить.

Кайл нам все напишет на бумаге.

Добравшись до площадки, мы устроились на пустых местах для зрителей, и пока Джем рылась в рюкзаке, разыскивая тетрадь и ручку, мы с Кайлом, приличия ради, смотрели на игру ребят. Хотя это громко было сказано – мальчишки из младшей группы дурачились, визжали, толкались, почти

забывая про мяч. Подумав о том, какое непутевое растет поколение баскетболистов, мне снова стало грустно. Того гляди, этот спорт вовсе здесь зачахнет после моего отъезда.

Джем извлекла небольшой блокнот в твердой, голубой обложке, раскрыла его где-то на последней странице и вручила Кайлу, не забыв и про карандаш. Отличница – она везде отличница, у нее даже канцелярия под конец года выглядит как новенькая. Здоровяк еще не успел даже занести карандаш для письма, а мы уже склонились над блокнотом, с нетерпением ожидая, когда там появятся слова. Кайл неловко пошевелил плечами.

– Это выглядит глупо, – прошептал он и тут же получил по губам ладонью от Джем.

Я успел быстро переглянуться с ней, а в следующий миг уже внимательно следил за нервными движениями Кайловой руки. Карандаш тихо скрипел, и на бумаге оставалась графитная пыль. Неуклюжие буквы расползались по странице, выстраиваясь в самые нелепые предложения, которые мне когда-либо доводилось видеть.

«Эйты повсюду в городе. Они что-то ищут. У них опять сдвиг.»

Едва карандаш остановился, поставив точку, Джем тут же вырвала у Кайла из рук блокнот и со злостью уставилась на страницу. Она открыла рот, собираясь что-то сказать, но потом опомнилась, схватила карандаш, прежде чем Кайл по привычке не начал его грызть, и быстро начала что-то цара-

пать, нахмурившись, поджав нижнюю губу и стремясь передать свою злость и бумаге. Мне показалось, что еще чуть-чуть, и блокнот вспыхнет пламенем. У меня случилось бы именно так.

«Что в этом такого?! У них и так постоянно сдвиги!»

Она снова перекинула блокнот нам, с окончательно испорченным настроением откинула голову на спинку сиденья и забросила ноги на место перед собой. Я снова и снова перечитывал короткое сообщение Кайла, силясь понять то, что не смог понять он. Что потеряли эйты? И почему его мамаша так решила? Что значит сдвиг? У них опять обострилась паранойя? Стоило мне задать один вопрос, как следом появлялись и второй, и третий, но ни одного ответа.

Я с досадой пнул ножку стула перед собой. Ну почему со мной всё всегда идет наперекосяк? Стоит мне где-нибудь появиться, как там обязательно что-нибудь случается, и это выходит боком только мне! Почему я просто не могу жить нормально, как остальные нормальные люди?

Потому что ты ненормальный, кугалунг.

– Что бы там ни стряслось, тебя точно не выпустят обратно, – едва слышно произнес Кайл, поглядывая на меня.

У меня сжало горло от волнения и злости. Он прав. Шансов и так было мало, а теперь совершенно ясно, что от эйтов не дождешься здравых решений. И это лишь подтвердило мою идею – всё указывало на это!

Нужно бежать.

Друзья, знавшие меня не первый год, отчетливо поняли, о чем я думаю. Кайл нахмурился и опустил взгляд, а Джем предостерегающе шикнула:

– Выброси у себя это из мыслей. Хотя бы до завтрашнего дня.

– А что изменится завтра? – меня серьезно достало то, что они обращаются со мной, как с ребенком. Я поднялся на ноги и потянулся, разминая мышцы. – А может, лучше послезавтра, а? Там, глядишь, они не захотят ждать и сами завалятся сюда. Вот тогда-то и будет самое время, верно, Ук?..

– Хэл!

Все-таки настоящие имена имеют невиданную силу – я тут же заткнулся, но больше из-за привычного страха, что кто-то еще мог услышать Джем. А она останавливаться не собиралась:

– Ты не можешь принимать такие решения вот так просто! Только потому, что тебе только что ударила эта идея в голову! На тебя ругаются, стоит тебе изменить тактику в баскетболе, а жизнь так нянчиться с тобой не будет. Если собираешься что-то делать, то сначала обдумай. И не один раз.

Вроде мы с ней ровесники, а бывает зануднее любой бабки. Я раздраженно отмахнулся от нее и повернулся, чтобы уйти. Хватит с меня этих нравоучительных разговоров. Кажется, не нужно было друзьям вообще ничего говорить – просто уйти от них по-тихому и все.

– Встретимся за ужином? – с надеждой спросил меня на

прощание Кайл, наивно верящий, что за едой можно решить любые неприятные вопросы.

– Я не голоден, – буркнул я в ответ, уже пробираясь между рядами сидений прочь.

Кожу под браслетами-барьерами жгло как от крапивы.

Я не хотел думать о том, что это могла быть моя последняя встреча, последний разговор с Кайлом и Джем. Нет, разумеется, я еще непременно увижу их, что бы я там ни придумал. Но этот страх все равно присутствовал в моем незавидном арсенале мыслей. Я ни за что не хотел бы этого.

Но и думать целую вечность вместо того, чтобы действовать я тоже не собирался. Я ненавидел что-то обдумывать и по сто раз проверять свои решения – так было в письменных тестах, так было в игре, так было и в жизни. Не всегда это приводило к успеху, но колебаться, рассматривать другие решения было для меня хуже пытки. Если я решил действовать так, то это неспроста, я почувствовал, что так должно быть, и это определенно правильный ответ! А то, что с этим не согласны окружающие – не мои проблемы.

Поэтому если я решил сбежать из колледжа, то я это сделаю. Раньше, чем сюда заявятся эйты и раньше, чем мистер Директор посадит меня на цепь. Просто убегу, подожду, пока всё не успокоится, а затем вернусь обратно. Я никого не предам и не убью – меня просто не за что будет серьезно наказывать. Мистер Директор поворчит минут пять и как ми-

ленький примет меня обратно. В конце-то концов, я один из лучших баскетболистов в этой дыре!

Подбадривая себя мыслями такого рода, я брел к своему домику, но только потому, что идти мне больше было некуда. Если бы я только знал, как и где, то сразу бы сорвался в то место, в котором оказывался во время отключек. Та земля, где растут голубые одуванчики. Я даже искусственным путем не смог бы проложить себе туда дорогу, специально разозлившись или сделав что-нибудь еще, чтобы заставить побочную силу проявить себя. На мне «барьеры», и пока я с ними, не видать мне той немой девушки...

Тут мне стало по-настоящему тоскливо, я даже остановился от осознания своего бессилия. Если бы мне было только известно ее имя – я мог бы вызвать ее образ в Озере Грез, чтобы просто посмотреть на нее. Я даже не могу сделать ее фотографию, чтобы носить с собой.

Конечно, я знаю всех этих парней, которым нравятся девушки, и они ищут любой способ сблизиться с предметом своего воздыхания. В прошлом году Шнурок запал на девчонку из фехтовального клуба. Чего только он ни вытворял – и подкладывал ей цветки дидус, которые, согласно слухам, вводят человека в подобие романтического опьянения, и пытался приворожить с помощью огня, и даже всеми правдами и неправдами старался разузнать ее настоящее имя... Девушка его в упор не замечала, и мы со Скелетом прикалывались над беднягой-Шнурком по полной программе.

Я не такой идиот, и я понимаю, что не испытываю к той немой красавице подобных чувств. Я совсем ее не знаю, да и она сама, скорее всего, лишь плод моего шального воображения. Но даже если это и так – мне не хватало ее. Мне слишком ее не хватало в обычной жизни. Один ее образ, взгляд, прикосновение успокаивали меня, и всё вокруг начинало казаться далеким и несущественным. Мир размывался как акварель, становился простым, тихим и маленьким, не стоящим моей злости и страха. Рядом с этой девушкой мне всерьез казалось, что я могу многое, что я полностью контролирую себя и свою побочную силу. Я очень ценил эти мысли и ощущения, которые появлялись благодаря ей. Никто другой не мог вызвать их у меня.

Стыдно было говорить об этом кому-то, даже друзья бы не поняли. Это только мое, личное, секретное, а теперь у меня отняли даже это! Я сердито потер один из «барьеров», ощущая гладкую пластину под пальцами. Кристалл слириум – один из самых лучших поглотителей магии в природе. Много лет назад люди выковали мечи и наконечники, доспехи и щиты из этого камня и пошли войной на эйтов. Странно, но они все равно проиграли, а война получила название Хрупкая. Не спрашивайте почему, я по истории не первый умник.

Неожиданно в голову ударила идея, что мне нужно будет избавиться от браслетов до побега. Я слишком слаб, пока они на мне, люди запросто меня догонят и поймают. Нет уж, я как-нибудь сниму с себя «барьеры» и буду уповать на то,

что никто не увидит проявления моей побочной силы. Шанс, конечно, мизерный, но всяко лучше, чем быть слабее ребенка и верить, что в таком состоянии мне все будет по плечу.

Я так и не дошел до своей комнаты, вместо этого свернул в сторону Озера Грез, слабо надеясь, что там будет немного народа, а в особенности, что это место обойдут Джем и Кайл. Не хотелось их больше видеть и слышать. Один слишком труслив, чтобы попробовать нарушить правила, а вторая слишком подчинена этим правилам и гордится этим. Не стоило посвящать их в свои планы, от них все равно никакого толка. Вот немую девушку я бы с собой взял – уговорил бы, схватил без разговоров, умалил бы пойти со мной. А раз она не живой, настоящий человек, то все было даже легче – она всегда рядом со мной, спрятанная где-то в мыслях. И это тоже успокаивало, одновременно с этим поселяя крепкие ростки грусти и безнадежности моей ситуации.

Дорога до Озера через безымянную рощу была вымощена булыжником, и это было единственным признаком вмешательства человека в этот уголок. Густой подлесок полон птичьих свистов и песен, жужжания насекомых и шелеста растений. Здесь всегда была прохлада, густой запах влажной земли, хвои и разных цветов. Высокие деревья почти полностью загораживали небо, и если запрокинуть голову, то можно было увидеть лишь кратковременные всполохи солнечных лучей, мелькающих между ветками и листьями.

Я никогда еще не сворачивал с тропинки, не пытался зай-

ти вглубь чаши, хоть это и не возбоялось. Здесь слишком явным было ощущение природы, и я втайне опасался, что если зайду в это царство, то обратно будет вернуться не просто. Где нетронутая природа, там жди и проявления магии, даже в самом незначительном количестве. А я с ней пока еще не нашел общий язык.

Джем отчасти права – лучше бы мне было сразу родиться полноценным эйтом, без этой «серединки на половинку». И люди бы от этого только выиграли, и мне самому было бы проще. Я нормально управлял бы своей силой и не стыдился показывать ее. Возможно, чего таить, я бы даже стал одним из самых могущественных эйтов, а там и до места в совете недалеко. Я не хочу быть политиком и управлять миром или даже его частью, но ведь приятно иметь власть и делать что-то по-настоящему крутое, верно?

И первое, что я бы сделал, это уменьшил контроль эйтов над миром людей. Они даже не представляют, как больно стискивают этот мир в своих лапах.

На Озере Грез было не так много людей – в основном ученики младших групп, сидевших с книжками и тетрадями в беседках. Через пару часов они прилежно разойдутся по своим комнатам, и их место займут парочки, которые будут сражаться за право постоять на мосту или занять один из укромных шатров.

На мосту сейчас было две девушки, да и они поспешили

уйти, едва завидев меня. Наверное, теперь я буду внушать настоящий ужас окружающим. Меня и так побаивались, старались не встречаться лишний раз и уж тем более не злить. Приятного, на самом деле, мало – я не хочу, чтобы со мной обращались как с психопатом или диким зверем. Хочу обычного обращения, со всеми обязательными ссорами.

Близнец меня не боялся. Вчера он небрежно отозвался о Джем и ее Дне Нахождения, а я, обрадованный предложением поругаться, едва не убил его.

Я медленно прошел по мосту и остановился на небольшой, круглой площадке на его середине. Отсюда были плохо слышны голоса с берегов, а если смотреть вниз, на воду, то можно постараться представить, что ты совсем один здесь. Как в том месте голубых одуванчиков.

Прохладный ветерок, благоухающий суклоками, делал мне незамысловатую прическу, ерошил просторную одежду баскетбольной формы. Но он был не в силах потревожить гладкую поверхность воды. Точно не знаю, почему так, – вроде одни говорят, что Озеро Грез существует в другом измерении, слабо связанным с этим, а другие – что вода в нем просто слишком густая и плотная.

Держась за кованые перила, я перевесился через них, как можно ближе наклоняясь к Озеру. Только когда перила врезались в живот, а пятки оторвались от моста, я остановился, глядя в воду и не видя даже своего отражения. Что если попробовать? Если немая девушка существует только в

моем воображении, то у нее и не может быть имени. Вдруг мне повезет, и Озеро откликнется на мою необычную просьбу?

Я отстранился назад, скинул рюкзак и начал поспешно рыться в нем, стараясь сохранить ту слабую надежду, что сейчас всколыхнулась во мне. Мне бы только попробовать, только бы увидеть ее, хотя бы на пару секунд. Одно это даст мне сил на весь оставшийся день.

В рюкзаке не находилось ничего достаточно ненужного, чтобы это выкинуть и при этом достаточно близкого для меня, чтобы Озеро приняло дар. Уже давно пора поставить палатку, где продавались бы вещи, предназначенные специально для швыряния их в Озеро Грез. А если бы люди при знакомстве говорили свои настоящие имена, то вообще все проблемы мира были бы решены.

Я как раз вертел в руках спортивную повязку для головы, раздумывая, достаточно ли она напиталась моим потом чтобы ее приняло Озеро, как услышал рядом чей-то голос:

– Скрип! Ты здесь!

Рядом со мной, на доски моста плюхнулась Мимоза, и ее полосатая, школьная юбка задралась почти до самых подмышек. Ничего не заметив, она смотрела на меня во все свои огромные глаза, как будто перед ней было чудо какое-то. Я даже успел почувствовать себя неудобно, что вообще для меня непривычно.

– Как видишь... – начал было я, но стоило мне открыть

рот, как одноклассница громко воскликнула:

– Я уже успела испугаться, что тебя исключили из колледжа! Где ты был все это время? С тобой все в порядке? Ой, а ты здесь, потому что хочешь пообщаться с Озером? Я помешала тебе?..

Не зная Мимозу, я бы подумал, что она в меня втрескалась, раз несет подобную чепуху. Но эта милашка вела себя так абсолютно со всеми, начиная от детей и заканчивая старыми профами. Она постоянно за кого-то переживала и волновалась, постоянно кому-то помогала и была рядом в подходящий момент.

Хотя, никто не спорит, порой эта ее забота могла вывести из себя.

– Всё в порядке, расслабься, – я подмигнул ей и поднялся на ноги. – Возвращаюсь к священной учебе, если тебе это интересно.

Я протянул ей руку, помогая подняться. У нее такая гладкая и нежная кожа, что мне даже было немного жаль отпускать ее. Мне нравится Мимоза, но своим другом я бы назвать ее не смог. Не той материи. Она чересчур нормальная, в ней нет ни капли от эйтов. Джем у нас, конечно, тоже без примесей, но она самая ненормальная из людей. И татушки у нее классные. А Мимоза – просто душка, из тех девочек, которые всегда делают уроки, возвращаются в комнату к комендантскому часу и не ковыряют в носу. Иногда с ними приятно сходить в кафе или пригласить на танец, порадовать-

ся, когда они приходят на игру, чтобы поболеть за тебя. Но дальше этого ничего не шло.

– Что тебе будет за то, что ты сделал с Близнецом? – проскулила Мимоза, заглядывая мне в глаза.

Я тоже глянул на нее, но быстро отвел взгляд. Мимоза прехорошенькая: высокая, худенькая, с длинными золотистыми волосами и... разумеется с голубыми глазами. В любой из форм колледжа она выглядит изысканно и красиво, хотя многие девушки жалуются и оправдываются, что одежда колледжа кого угодно может превратить в уродца. Кто сейчас в здравом уме будет носить полосатые юбки ниже колен, плотные гольфы и скучные-прескучные блузки с детским кружевом на груди? Девчонки подкалывали юбки, припускали гольфы и старались украсить одинаковую одежду. За такое часто выдавали записки, но модниц это не останавливало.

Единственным украшением Мимозы был ее номерок на груди. На солнце он сверкал как медаль из настоящего золота. И17 – даже номер у нее был какой-то изящный. А еще вместе с Джем Мимоза посещала кружок по ингеле и, глядя на нее, легко было поверить в то, что этот вид спорта делает всех стройняшками. Ходячая реклама.

Неожиданно из-за ее плеча я увидел саму Джем, которая только вышла из Лунной чащи и теперь направлялась прямо к Озеру. Что это она тут забыла? А вдруг они с Кайлом успели одуматься и изменили свое мнение насчет моего плана?

Заметив меня, Джем остановилась. Ей понадобилась пара-тройка секунд, чтобы осмыслить происходящее, а затем она показала мне неприличный жест, развернулась и пошла обратно.

Может, я очень тупой, но я вообще ничего не понял.

Номер К44. «Укол». Джем

На пустом участке баскетбольной площадки я вела мяч, сердито ударяя его об асфальт, и никак не могла остановиться.

Удар! Удар! Удар!

Еще немного, и мяч взорвется. Была бы у меня хоть капля побочной силы, тут бы уже все полыхало. Скажите спасибо, что я обычный человек!

Удар! Удар! Удар!...

Не подумала бы, что Хэл, не получив от нас с Кайлом поддержку, побежит к этой фифе Мимозе. Он думает, что она ему поможет? Неужто ему настолько тошно? А может, только был рад предлогу свалить к этой выскочке? Я подхватила мяч и, почти не целясь, бросила его в корзину. Два очка. Поймала и повела дальше, в никуда, выплескивая на мяче свою злость. Удар! Еще удар! Это так подло! Так мерзко! Удар, удар, удар! Я почти разбивала ладонь в кровь, с силой ударяя по упругому, твердому мячу. Его стук об асфальт звучал в ритме моего сердца. Ненавижу их! Вот бы со всей силы швырнуть мяч прямо в лица этих...

– Эй! Ты в порядке?

Я обернулась и сдула с щеки прядь волос. Хэл неторопливо подходил ко мне, и его кеды тихо поскрипывали при каждом шаге. На лице слегка играла привычная усмешка,

но взгляд казался усталым. За его спиной, у другого кольца играла небольшая группа парней и, к счастью, им не было до нас никакого дела. На другой стороне поля, где стояла я, больше никого не было. Но играть вместе с Хэлом мне сейчас совсем не хотелось.

– Да, отлично, – отрезала я и без подготовки кинула мяч в корзину. Мимо.

Я отошла, чтобы подобрать его и понадеялась, что за это время Хэл успеет уйти. Не хочу сейчас никого видеть. Но он остался стоять. Как назло.

– Почему ты злишься?

Меня так и подмывало ответить, что я не злюсь, а после этого забить его мячом до смерти. Но не так давно мне открылась истина, что люди не умеют читать мысли (в большинстве своем). И какой бы Хэл ни был дефектный, он этого тоже не может. Глупо злиться, что окружающие тебя не понимают, если ты сам им ничего не говоришь и тем более, если утверждаешь обратное.

Это была такая простая и ясная вещь, но я долгие годы про нее не знала. Или не хотела признавать, что все может быть так легко. И так тяжело в то же время.

В общем, я перевела дыхание, повернулась к Хэлу и как можно спокойнее произнесла:

– Мне не понравился твой поступок. Ты обиделся на нас с Кайлом и тут же отправился к Мимозе. Уж не думаешь ли ты, что эта трусиха захочет сбежать вместе с тобой?

У меня кровь прильнула к щекам, едва я закончила эту короткую, но такую сложную для меня речь. Развернулась, снова направила мяч в кольцо, и снова промахнулась. Сердце заходило от ужаса, что я действительно произнесла то, что произнесла. Но к счастью, Хэл не заметил моего смущения. Его лицо выражало крайнюю степень загруженности и непонимания. Наконец он щелкнул пальцами и радостно воскликнул:

– Ага, я понял! Ты решила, что я пошел посвящать Мимозу в мой план? Умоляю, и в мыслях не было! Она сама ко мне подошла.

– И тогда ты рассказал ей?

– Конечно нет! Ну зачем мне это?

– Но ты бы хотел, чтобы она пошла с тобой? Мы же с Кайлом отказались.

– Слушай, при чем тут вообще Мимоза?.. Эй, погоди-ка, ты что, ревнуешь?

Я смирила его уничтожающим взглядом.

– Кугалунг. Совсем мозгов нет?

Хэл расплылся в насмешливой улыбке, а я решила, что с меня довольно и бросила в него мяч.

Хэл попытался поймать его, но промахнулся, и мяч ударил по одному из «барьеров». Я даже немного испугалась, что сломала браслет.

Как оказалась, та же самая мысль пришла в голову и моему другу. Он тут же кинулся проверять, цела ли пластина,

блокиратор магии. Судя по его расстроенному виду, с ней все было отлично.

– Тут нужно что-то сильнее, – бормотал он, щупая браслет и уже забыв про то, что я стою рядом. И тем более про наш разговор. – Нужно узнать, как... Госпожа Отличница! – вдруг воскликнул он, посмотрев на меня. – Если в Хрупкой войне люди использовали против эйтов слириум, то как те защищались?

Что, серьезно? Он решил начать готовиться к итоговому тесту прямо сейчас? Все, с меня точно довольно. Дружба дружбой, а себя тоже надо ценить.

– До завтра, – бросила я и направилась в сторону своего домика.

– Джем, подожди, это очень важно!..

– Спокойной ночи, Хэл.

Я ушла, так и не оглянувшись на него. У меня, знаете ли, тоже есть чувство собственного достоинства.

Если бы не этот разговор, я бы не вернулась в домик так рано, еще до комендантского часа. Но и болтаться на улице, где я легко могла снова встретиться с Хэлом, Кайлом или того хуже – с Мимозой или Близняшкой, мне совсем не хотелось. Поэтому пришлось спрятаться в домике. Туда ко мне никто заявиться не посмеет.

Мне не очень нравится проводить время в комнате, особенно если там еще торчали мои соседки, но сейчас прихо-

дилось выбирать из двух зол меньшее. Я вообще веду себя неблагодарно, а стоило бы почаще вспоминать и возносить хвалу Катю, что меня поселили не с Близняшкой или этой стройной фифой. Я бы тогда либо сама повесилась, либо их с крыши столкнула бы.

Обитаю я в домике под номером два, на первом этаже, и в любое время суток это настоящий проходной двор. Девушки приводят к себе в гости подруг из первого домика, притаскивают парней и сами собираются группами в коридоре. Ах да, еще на первом этаже стоит телевизор, и когда по нему показывают сериалы, то в комнату отдыха просто не зайти.

Я ворвалась в спальню, хлопнув дверью на весь этаж, и сразу направилась к ванной комнате, но меня остановила Мелодия:

– Там сейчас Дарья!

О, ну еще бы! Зависать по три часа в ванной – любимое занятие Дарьи. Можно подумать, у нее там припрятан тайный клуб. И она пропадает там именно тогда, когда мне срочно нужно побыть одной. Мелодия – невысокая брюнетка со звонким голосом – виновато пожала плечами, посмотрев на меня. Ну да, она-то что могла с этим сделать?

Дарья – одна из немногих, кто взял себе в качестве прозвища другое имя. Некоторые говорят, что это опасно, потому что со временем такое имя приобретает почти все свойства настоящего. Но моей соседке, кажется, все равно.

Я дошла до своей кровати и упала на нее, чувствуя, что не

смогу больше сдвинуться с места. Что-то за последнее время стало происходить столько всего, что я уже устала делать равнодушное лицо. Рюкзак я бросила тут же. Вообще-то меня жутко раздражает, когда кто-то расшвыривает свои вещи по всей комнате, но сейчас мне было плевать даже на это.

Мои соседки те еще свинки, но, по крайней мере, они стараются не докидывать свое барахло до моей части комнаты, а на вечный бардак в ванной мне пришлось просто закрыть глаза. Они были не лучше или особо хуже всех моих предыдущих соседок. Просто две обыкновенные девчонки. У Дарьи есть побочная сила, но не такая сильная, как у Хэла. Когда она волнуется или злится у нее могут подняться или завиться волосы, а иногда она просыпается утром, и у нее на голове настоящее воронье гнездо. Дарья очень коротко подрезает волосы, но время от времени сила все равно проявляет себя. Другая соседка, Мелодия, занимается фехтованием и в ней, как и во мне, нет ничего необычного.

Я закрыла глаза, попытавшись отвлечься от всего, как при медитации. Стоило внимательно обдумать то, что наболтал Хэл.

Конечно, я понимала его желание бросить все, при такой-то обстановке. Но сбежать из колледжа – это только полдела. Где он будет скрываться все это время и сколько именно? А если никто не захочет заминать дело, и его начнут искать? Что тогда? Если к этому подключат силы эйты?

Слишком много дыр в этом плане, но чего еще ждать от

напуганного мальчишки? Спасибо еще, у него хватило мозгов поделиться этим со мной и Кайлом. Хотел бы он, чтобы мы пошли вместе с ним? Если бы не хотел – смылся бы втихушку, никому не став ничего говорить.

Но если бы желал, чтобы мы пошли с ним, он мог хотя бы намекнуть нам. Или это я разучилась понимать намеки?

Тут из ванной появилась Дарья с мокрыми волосами и с ягодной маской на лице. За ней валил влажный пар, благоухающий клубникой, травяным шампунем и пеной для ванн. Дарья бросила мокрое полотенце на сушилку и заметила меня.

– Хий-я, Укол снова с нами! Как прошла игра?

Честь и хвала моим соседкам за то, что они знали о моих интересах. Но зачем? Уверена, они делали это чисто из вежливости.

– Нормально, – буркнула я, снова закрывая глаза.

На игру я не сходила.

– А уже послезавтра будет турнир! – неожиданно выпалила Мелодия. Она подхватила со стола шпильку для волос и выставила ее перед собой точно шпагу, заведя левую руку назад. – Всем сокращенные лекции и банкет в честь этого!

Она уже пару месяцев только и говорила об этом, но это не помешало Дарье радостно захлопать в ладоши. Я зевнула. Лишь очередной повод пошуметь, наесться, а для кого-то и устроить драку. Меня бесили все эти мероприятия.

– Придешь посмотреть? – с надеждой спросила меня Ме-

лодия. — Я им всем задам, вот увидите! Студенты Академии вернуться в Смоксилл с дырявыми задницами!

— Приду, если получится, — честно отозвалась я, зная, что могу найти причину не пойти в любом случае.

Когда ванная немного остыла, и из нее ушли ароматы, я приняла контрастный душ, с удовольствием ощущая, как вода струится по телу, уводя за собой пыль, пот и все неприятные новости за день. Как она холодит кожу головы, остужая воспаленные и перегруженные мозги. Выключив воду, я еще минут пять просто стояла в душевой кабинке, привычно водя пальцем по изгибам татуировок, и прислушиваясь к ощущениям своего тела. Прохладно, чисто, свободно. Тишина и пустота. Меня очень редко оставляли в спальне одну, так что ванная комната становилась настоящим спасением. Когда всё вокруг бесило, хотелось кого-нибудь убить и одновременно с этим — поплакать от злости, то не было ничего лучше, чем запереться здесь. После контрастного душа мысли кардинально менялись. Я бы посоветовала эйтам как можно чаще использовать этот прием. Глядишь, и нам бы тогда жилось чуточку легче.

Девчонки еще немного пошутукалились перед сном, но вскоре затихли. Они вообще одни из самых спокойных соседей, которые мне попадались за семнадцать лет. Вчера утром они даже поздравили меня с Днем Нахождения, хотя я про их Дни Рождения забывала всегда.

Я не могла уснуть. В остуженной, промытой голове тика-

ли ясные и практичные мысли. Как Хэл будет осуществлять свой побег, что ему для этого понадобится и чем я могла помочь ему.

На следующий день я до самого обеда не встречала ни Хэла, ни Кайла, но оно было и к лучшему. Мне нужно было еще немного времени, чтобы хорошо все обдумать. В глубине души я знала, что уже полностью готова и не отступлю, но разум требовал соблюсти все правила приличия и поразмышлять над этим еще пару часиков. Для вида.

На утреннем занятии ингелой я как никогда постаралась разместиться подальше от Мимозы. Хэл наверняка вчера сказал правду, и у него не было причин разбалтывать этой неженке о своих планах. Но едва я вспоминала, как они стояли там, вдвоем, на мосте через Озеро, у меня как будто грудь чем-то закладывало. Неприятное чувство, ограничивающее, подавляющее меня. Как этот кугалунг вчера сказал, что я его ревную?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.